

Лиза Гарднер
Опасное положение
Серия «Тесса Леони», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9000774
Опасное положение: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77789-1

Аннотация

Когда из роскошного бостонского особняка бесследно исчезла вся семья промышленника-строителя Джастина Денби, полиция сразу предположила: это похищение, и, скорее всего, с целью получения выкупа. Но как только служители порядка начали расследование, наружу выплыла масса подробностей личной жизни похищенных, всерьез усложнившая ситуацию. Оказывается, Джастин не так давно завел себе молоденькую любовницу, а его жена узнала об этом из анонимных сообщений, поступивших на ее мобильник. Сама же она – наркоманка, подсевшая на опиоидные препараты. А еще в течение долгого времени из компании Денби бесследно утекали деньги, оседая на безымянных офшорных счетах. И, в довершение ко всему, время шло, а требований похитителей о выкупе все не поступало...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	39
Глава 12	45
Глава 13	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лиза Гарднер

Опасное положение

Глава 1

В одиннадцать лет я узнала, что у боли есть вкус. И у каждого он свой.

* * *

Сегодня моя боль отдавала апельсинами. Мы ужинали в «Скампо». Угловой столик. Фешенебельная улица за окном. Ненавязчивые официанты молчаливо разливают шампанское. Три фужера для меня. Два для мужа. На белоснежной льняной скатерти – тарелки со свежей выпечкой и моцареллой. Чуть позже подадут домашнюю лапшу с горошком, обжаренной панчеттой и легким сливочным соусом. Любимое блюдо Джастина. Первый раз он попробовал его лет двадцать назад, когда был по делам в Италии, и с тех пор обязательно заказывал в хороших итальянских ресторанах.

Я отпила шампанского, поставила фужер и посмотрела на мужа.

Он улыбнулся. Лучики морщинок разошлись от уголков глаз. Короткие русые волосы серебрились на висках, но Джастину это шло. Он с небрежной элегантностью умудрялся сочетать потертые рабочие ботинки и дорогие классические рубашки. Стоило ему появиться в каком-нибудь баре, и женщины невольно оборачивались. Впрочем, мужчины тоже – оценивали соперника.

– Не хочешь есть? – спросил муж.

– Подожду, когда лапшу принесут.

Он опять улыбнулся, и я мысленно перенеслась на белый песчаный пляж, почувствовала солоноватый бриз. Второе утро нашего медового месяца. Мы не выходили из бунгало, нежась в мягких хлопковых простынях. Джастин кормил меня апельсинами, и я аккуратно слизывала липкий сок с его мозолистых пальцев.

Пригубив шампанское еще раз, я задержала его во рту и сосредоточилась на пузырьках, щекочущих нёбо.

Я боялась, что она красивее меня, интереснее, лучше в постели. Взвешивала и другие причины, но объяснения не нашла. Мужчины не могут не изменять. Если есть возможность, они ею пользуются. В каком-то смысле последние полгода нашего брака – самый рядовой случай.

Очередной глоток шампанского опять оставил апельсиновое послевкусие.

Джастин расправился с моцареллой, тоже выпил и рассеянно поменял местами столовые приборы.

В двадцать семь лет он унаследовал строительную компанию отца с оборотом в двадцать пять миллионов долларов. Дела шли хорошо, но Джастин не хотел останавливаться. К тридцати четырем годам – когда мы познакомились – он увеличил оборот до пятидесяти миллионов и в ближайшие пару лет собирался подняться до семидесяти пяти. Дело свое он знал отлично, начиная от инженерных коммуникаций и заканчивая отделочными материалами. При этом не отсиживался в кабинете. Первым выезжал на объект и последним возвращался оттуда. Всегда на передовой – вместе с рабочими, подрядчиками.

Его мужская природа покорила меня с самого начала. Джастин чувствовал себя уверенно и в зале совещаний, и на баскетбольной площадке. И с оружием управлялся играючи.

Наши первые свидания прошли в тире. Он учил меня стрелять из мелкокалиберного пистолета. Обнимая сзади, показывал, как обхватывать рукоять, наводить ствол, целиться. Я вздрагивала от каждого выстрела даже в наушниках и сперва попадала в пол или в нижний край мишени. Джастин терпеливо наклонялся ко мне, поправлял хват и, жарко дыша в затылок, объяснял, что не так.

Иногда мы очнуться не успевали, как уже срывали одежду друг с друга в туалете тира. Или на заднем сиденье его внедорожника. Там же, на парковке. Джастин до боли впился пальцами мне в бедра и настойчиво задавал нетерпеливый, жадный ритм. Я подчинялась, не помня себя от запаха оружия, настоящей мужской силы и желания.

Соль. Порох. Апельсины.

Джастин извинился и отошел в уборную.

Я перемешала лапшу на тарелке, чтобы казалось, будто я ела. Открыла сумочку под столом, встряхнула на руку четыре белые таблетки, отправила их в рот, запив водой, и опять подняла фужер с шампанским.

К главному событию вечера я приготовилась.

* * *

Пять минут на машине, и мы подъехали к дому – особняку, который Джастин купил, как только подтвердилось, что я беременна. Из кабинета врача муж отправился напрямик в бюро недвижимости и, договорившись о покупке, привез меня посмотреть трофей. Такое своеволие меня не смутило. Наоборот, я прошлась по всем пяти этажам и пришла в полный восторг от шикарных деревянных полов и недостижимых потолков с резным багетом.

Вот что значили пять миллионов долларов. Дом на окаймленной деревьями Мальборо-стрит, залитые солнцем комнаты, чудесная терраса на крыше. А сам район! Красивые здания из красного кирпича, отреставрированные и дружно стоящие бок о бок. До парка рукой подать, и аристократическая Ньюбери-стрит всего в паре кварталов. Район, где самые бедные ездили на «саабах», няни говорили с французским акцентом, а в частную школу записывали с пеленок.

Джастин дал мне карт-бланш на обустройство гнездышка. Мебель, картины, шторы, ковры. Ему было без разницы. Антиквариат? Дизайнер интерьера? Ради бога. Все, что хочешь. Деньги не проблема. Сделай дом уютным.

И я приступила. Как в фильме «Красотка». Только пришлось дирижировать малярами, декораторами и торговцами антиквариатом. Меня осыпали образцами, а я – беременная на диване – мановением руки заказывала чуть-чуть одного и немного другого. Приятное занятие. Наконец-то нашлось серьезное применение моим художественным навыкам: не лепка бижутерии из серебряной глины, а ремонт целого бостонского особняка.

Головокружительное было время. Компания Джастина строила крупную гидроэлектростанцию. Он летал туда и обратно. Домашние работы шли полным ходом, и мы каждый раз в обнимку смотрели, что нового. Джастин убирал мои волосы назад и утыкался носом мне в шею.

А потом родилась Эшлин. Счастью не было предела. Джастин сиял от радости и показывал фотографии малышки всем подряд. Однажды приехал домой вместе со своими ребятами, бывшими спецназовцами и морскими пехотинцами. Они сняли грязные ботинки в передней и прошли наверх, чтобы полюбоваться на нашу спящую красавицу. Мне дали много полезных советов по пеленанию, а Эшлин попытались научить азбуке Морзе – отрыжкой. Джастин сразу предупредил, что не позволит дочери встречаться с их сыновьями. «Учителя» стойко проглотили горькую пилюлю и умильно поглядели на меня в поисках под-

держки. Я разрешила им делать все, что угодно, если они сменяют подгузник в два ночи. Последовало столько предложений, что Джастин не выдержал и выпроводил приятелей.

Но он был доволен, и я тоже. Все шло замечательно.

Так и должно быть, когда любишь. Общий смех, общие слезы, общие заботы о ребенке, а потом – спустя месяцы – по-настоящему нежный секс и немного другие ощущения, но такие же волшебные.

Джастин часто бывал в разъездах и задаривал меня драгоценностями. Я занималась йогой и ходила по чудовищно дорогим детским магазинам. Частое отсутствие мужа меня не пугало. Со мной была дочь, а вскоре появилась экономка Дина, которая избавила меня от лишних хлопот, и я вернулась в ювелирную мастерскую: моделировать, создавать, обжигать...

Сбавив скорость, Джастин думал, где бы поставить свой «рейнджровер». У нас на цокольном уровне был гараж – роскошь первой необходимости, – но там стояла моя машина. Охоту за парковочным местом на улицах центрального Бостона муж взял на себя.

Когда мы проезжали мимо дома, я машинально проверила окно Эшлин на третьем этаже. Свет не горел. Странно. Она никуда не собиралась выходить. Может, сидела перед экраном ноутбука. Да, вполне обычно для пятнадцатилетнего подростка. Она могла целый день провести молча, в наушниках и с отсутствующим взглядом.

Наконец нашелся разрыв в колонне припаркованных автомобилей. Быстрый маневр задним ходом, немного вперед – и «рейнджровер» встал на место. Джастин обошел его спереди и направился к моей дверце.

Последние несколько секунд я нервно сжимала руки на коленях и старалась выровнять дыхание. Вдох. Выдох. Ничего сложного. Потихоньку. Помаленьку.

А если он захочет поцеловать меня в губы? Или за ухом? Или нам просто раздеться, залезть в постель и сделать это? В темноте, с закрытыми глазами. Вдруг я буду постоянно думать о ней? Или вообще не стоит беспокоиться? Муж, отец моего ребенка, со мной. Я победила.

Дверца открылась. Мужчина, с которым я прожила восемнадцать лет, подал мне руку, помог выйти, и мы, не говоря ни слова, пошли по тротуару.

* * *

Джастин остановился перед парадной дверью. Он хотел было ввести код, но застыл, недовольно поморщившись.

– Опять она систему не включила, – буркнул он и бросил взгляд на меня. – Заходи не хочу.

Я посмотрела на кнопочную панель и поняла, что он имел в виду. Замок был электронный. Джастин сам его установил. Набираешь комбинацию – дверь открывается. Без кода не войдешь. Идеальный вариант для Эшлин, которая часто забывала ключ. Но чтобы система работала, ее нужно было активировать, а это нередко вылетало у дочери из головы.

Джастин повернул ручку, и дверь бесшумно поддалась.

Настала моя очередь возмущаться.

– Могла хотя бы свет оставить.

Я отпустила руку мужа и прошла вперед, громко цокая шпильками. Без него я держалась на ногах не так уверенно. Интересно, он заметил? Или ему плевать? Добравшись до стены, я нажала первый выключатель. Люстра не зажглась. Я несколько раз пощелкала клавишей – с таким же результатом.

– Джастин... – начала я, но тут же услышала голос мужа:

– Либби...

Раздался смешной хлопок, как будто выстрелили из мелкашки. Что-то зашипело, и тело мужа выгнулось дугой. Я уставилась на него во все глаза: он корчился на цыпочках и, сжав челюсти, мычал от боли.

Запахло паленой кожей.

Потом я заметила мужчину.

Здорового. Выше моего Джастина, то есть за метр девяносто, и массивнее. Одетый в черное, он стоял у входа и держал в руке странный пистолет с прямо угольным дулом. Зеленые конфетти, отстраненно подумала я. На пол падали ярко-зеленые кружочки конфетти, муж продолжал кривляться в страшном танце, а человек в черном сделал шаг вперед.

Он отпустил спусковой крючок. Джастин обмяк и судорожно выдохнул. Потом что-то опять зашипело. Еще и еще раз. Джастин бился в конвульсиях. Я оцепенела, разинув рот и расставив руки в стороны. Комната ходила ходуном.

Муж попытался что-то сказать. Сначала я не поняла, но потом до меня дошло: «Беги».

Я сорвалась с места, метнув умоляющий взгляд на темный пролет лестницы. Лишь бы Эшлин была жива. Там, в своей комнате на третьем этаже. Лишь бы она слушала айпод и ни о чем не подозревала.

Но не успела я сделать и шага, как здоровяк повернулся ко мне. Махом отсоединив угловатый картридж от передней части пистолета, в котором я наконец узнала тазер¹, он бросился наперехват, ткнул оружием мне в бедро и включил ток.

Ногу словно огнем прожгло. Опять запах паленой кожи. Чей-то крик. Возможно, мой.

Все вокруг исчезло. Остались только острая боль и глаза нападавшего. Маска, сообразила я. Черная лыжная маска, а за ней – лицо монстра, который из кошмарного сна проник в дом.

Джастин неуклюже обрушился на громилу и стал колошматить его по спине. Тот слегка повернулся и отработанным движением рубанул мужу по горлу.

Со страшным булькающим хрипом Джастин упал на пол.

Тут моя левая нога отказала, и я тоже повалилась вниз. Потом перевернулась, и меня стошнило шампанским.

Скованная болью и страхом, я подумала о дочери. Только бы он не нашел ее. Только бы не нашел.

Но было поздно.

– Мама! Папа! – закричала Эшлин наверху.

Теряя сознание, я посмотрела на лестницу. Две темные фигуры тащили дочь вниз. Она билась и извивалась.

На мгновение наши взгляды встретились.

Я хотела сказать, что люблю ее, но губы меня не слушались.

Здоровяк в маске снова поднял тазер, спокойно установил новый картридж, прицелился и выстрелил.

Моя пятнадцатилетняя дочь завизжала.

* * *

У боли есть вкус.

И у каждого он свой.

¹ Тазер – электрошоковое оружие нелетального действия. Главное отличие от аналогов заключается в способности поражать цель на расстоянии (от 4,5 до 10 м).

Глава 2

Ее разбудил звонок мобильного, что было удивительно по двум причинам. Во-первых, она уже давно не работала там, где звонки среди ночи – обычное дело. Во-вторых, это значило, что впервые за последние месяцы ей удалось нормально уснуть.

Тесса Леони поняла, что лежит в постели, вытянув руку на мужнюю половину – словно хотела обнять того, кто умер два года назад. Туман в голове был тяжелее, чем при хронической бессоннице, а телефон продолжал надрываться, пиликая на все лады. Волевым усилием Тесса перекатилась к прикроватной тумбочке и успела ответить как раз вовремя. Она услышала голос начальника. Очередная неожиданность: он редко звонил сам.

Наконец сон рассеялся, вернулся профессионализм. Тесса выяснила все, что нужно, положила трубку и оделась. Перед выходом она засомневалась: брать оружие или нет? С одной стороны, она не обязана. Уставу массачусетской полиции она больше не подчиняется. Однако на нынешней работе пистолет тоже мог пригодиться. Взвесив обстоятельства, которые обрисовал начальник, включая хронологию и неизвестные факторы, Тесса решилась. Она открыла шкаф с оружейным сейфом, привычным движением покрутила в темноте замок, взяла «глок» и вставила его в плечевую кобуру.

Суббота, 6:28. Можно выдвигаться.

Тесса сунула мобильный в карман куртки и направилась к комнате миссис Эннис – няни, которая давно стала членом семьи.

Там уже горел свет. Как многие пожилые женщины, миссис Эннис будто чувствовала, когда нужна ее помощь, и всегда была на шаг впереди. Сейчас она сидела в кровати с блокнотом в руках, готовая записать любые указания. На ней была длинная фланелевая ночнушка в шотландскую клетку – подарок Софи на прошлое Рождество. Надень она белый чепчик, была бы вылитая бабушка из «Красной Шапочки».

– Меня вызвали, – сказала Тесса, хотя это было и так очевидно.

– Что ей передать? – спросила миссис Эннис.

Она имела в виду Софи, восьмилетнюю дочь Тессы. Потеряв два года назад отчима, девочка боялась упускать мать из виду. Ради дочери Тесса и уволилась из полиции после смерти Брайана. Софи нужна была уверенность в том, что хотя бы один родитель вернется вечером домой, и новая работа Тессы решала проблему. Корпоративные расследования, как правило, не требовали лишних жертв. Утренний вызов был исключением...

Тесса задумалась.

– Судя по всему, дело срочное, – призналась она. – То есть день-два меня, скорее всего, не будет. Я пока не знаю, что там к чему.

Миссис Эннис слушала молча.

– Пусть пишет мне эсэмэски, – наконец сказала Тесса. – Говорить с ней по телефону я, наверное, не смогу, а на эсэмэски отвечу.

Довольная своим предложением, Тесса одобрительно кивнула. Главное, чтобы с ней можно было связаться. Неважно как: сделав шаг или нажав кнопку. Софи должна знать, что мама где-то рядом. Того, что случилось два года назад, не повторится. Больше никаких травм.

– Сегодня после гимнастики она могла бы пригласить домой какую-нибудь подружку, – подумала вслух миссис Эннис. – Это бы ее отвлекло.

– Отлично. Постараюсь позвонить до обеда. Самое позднее – вечером.

– Вы за нас не волнуйтесь, – бойко ответила миссис Эннис. Она заботилась о Софи с самого ее рождения, включая долгие годы, когда Тесса дежурила в ночь. Миссис Эннис

прекрасно справится и с девочкой, и с хозяйством. – Идите. – Няня махнула рукой на дверь. – С нами все будет хорошо.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Тесса.

– Вы там поосторожнее.

– Разумеется.

Тесса отправилась дальше по темному коридору, сбавляя шаг. У комнаты Софи она остановилась. Ей хотелось зайти и разбудить малышку, но Тесса переборола эгоизм и просто постояла у приоткрытой двери, разглядывая каштановые волосы на светло-зеленой подушке.

У Софи горели два ночника: она не могла спать без света. В руках девочка сжимала Гертруду: тряпичную куклу с коричневой пряжей волос и пуговицами вместо глаз. После смерти Брайана на груди у Гертруды появился крестик из лейкопластыря. Софи обычно говорила, что это от боли в сердце, и Тесса понимающе кивала.

Трагедия оставила шрамы не только в душе у дочери. Каждый раз, когда Тесса выходила из дома – будь то на работу, на пробежку или в магазин, – расставание с Софи ощущалось как физическое страдание, словно кусок отрывали от плоти. Только дома она чувствовала себя целой. Ей иногда снились снег, кровь и ее рука, протянутая к падающему телу Брайана. В другом сне эта самая рука держала пистолет и нажимала на спусковой крючок.

Тесса зашагала дальше. На кухне она нацарапала на листке бумаги: «Люблю. Скоро вернусь», положила записку на стул дочери и, глубоко вздохнув, вышла.

* * *

О том, чтобы стать копом, Тесса никогда не мечтала. Ее отец был механиком – простым работягой, который охотнее проводил время с бутылкой «Джек Дэниэлс», чем с единственной дочерью. Мать была загадочным созданием: она редко выходила из спальни на задней стороне дома и умерла молодой, оставив о себе только смутные воспоминания.

Без родительского присмотра Тесса успела натворить бед. Детство закончилось ранней беременностью и пониманием, что придется зарабатывать самой. Она особо не убивалась из-за неудачно сложившейся жизни, но для ребенка хотела только лучшего. Первым делом нужно было определиться с профессией, подходящей для матери-одиночки со средним образованием. Так она попала в полицейскую академию, где полгода училась стрельбе, боевым приемам и стратегическому планированию. Как ни странно, все три премудрости давались ей легко.

Более того, ей нравились и сама работа, и униформа, и коллектив. Четыре года она патрулировала дороги Массачусетса, задерживала пьяных, разнимала драки и решала бытовые конфликты. Четыре долгих года в ее жизни был смысл. Тесса делала что-то полезное и была счастлива.

Служба в полиции не прошла даром, размышляла она, поворачивая в центр Бостона. Она одновременно искала, где оставить машину, и начинала анализировать место преступления.

Как и подобало владельцу крупной компании, Денби проживал с семьей в Бэк-Бэй – одном из самых престижных районов. Величественные особняки здесь стояли бок о бок. Случись что, соседи вполне могли услышать шум. С другой стороны, богачи наверняка не поскупились на звуковую изоляцию, чтобы отгородиться от уличной суеты.

Тесса не заметила ни автомобиля судмедэксперта, ни подвижного командного центра. Это укладывалось в общую картину. Заявлялось ведь только о взломе с проникновением. Однако она насчитала несколько личных машин детективов и как минимум шесть патрульных. Явный перебор для простого взлома. Особенно смущала толпа следователей... Видимо, полиция отменила первоначальную гипотезу.

Тесса свернула с Мальборо-стрит в переулок, где у везучих обитателей Бэк-Бэй были частные стоянки, а у самых везучих – частные гаражи, и заняла первый попавшийся карман. Поблизости припарковались еще несколько детективов. Незаконно, конечно. Тесса прилепила табличку «Специальные расследования» под лобовое стекло своего «лексуса». Возможно, штрафа не избежать, но что поделаешь.

Она вышла из машины, надела длинное темно-коричневое пальто и опять задумалась.

Первой мыслью было оставить «глок» в бардачке. Нарываться на комментарии бостонских детективов ей не хотелось.

Но потом она плюнула. Главная заповедь копа: не показывай страх!

Тесса вздернула подбородок, распрямила плечи и вложила свое зарегистрированное огнестрельное оружие в кобуру. А теперь – за дело.

В лучах утреннего солнца чередой кирпичных и кремовых особняков отливала золотом. Тесса вышла на Мальборо-стрит и по красной тротуарной плитке направилась к дому Денби. На некоторых парадных со Дня благодарения остались высушенные стебли кукурузы и другие украшения. Почти везде были небольшие садики за ажурными коваными оградками. В это время года там красовались только кусты самшита и увядшие хризантемы. По крайней мере, было не так холодно, и солнце обещало, что погода немного разгуляется. Впрочем, ледяной ветер и рассветный мороз напоминали, что декабрь уже не за горами.

Перед кремовым с черной окантовкой особняком Денби молодой патрульный переминался с ноги на ногу – то ли чтобы согреться, то ли чтобы не заклевать носом. С тротуара никаких признаков недавней трагедии не видно: ни оградительной ленты на входе, ни медицинкой каталки у крыльца. Такая тишь да гладь, что Тессе стало интересно, что же бостонская полиция прятала от посторонних глаз.

По словам начальника, звонок от экономки Денби поступил около 5:30. Она сообщила, что в доме найдены следы проникновения. На место выехал окружной детектив. Он осмотрел дом и пришел к выводу, что ситуация серьезнее обычной кражи. Последовали новые телефонные звонки, в том числе из компании Джастина Денби в офис начальника Тессы.

Мутное дело. Так подумала Тесса еще во время утреннего разговора. Теперь же, вглядываясь в темноту за открытой парадной дверью, она изменила формулировку на «сложное, слишком сложное».

Она подошла к патрульному и показала значок следователя. Как и ожидалось, тот отрицательно замотал головой.

– Извините, закрытая вечеринка, – сказал он. – Только для бостонской полиции.

– У меня особое приглашение, – возразила Тесса. – От «Денби констракшн». Может, слышал? Многомиллионные строительные подряды, протекция местных сенаторов и шишек из Вашингтона. Такими проектами ворочают – нам с тобой и не снилось.

– Каких шишек из Вашингтона? – уставился на нее полицейский.

– А таких, которые могут провести Джастина Денби хоть на инаугурацию президента. – Тесса немного преувеличила, но суть передала верно.

Парень замаялся. История с политическими связями его не совсем убедила, но исключать ее он тоже не хотел, учитывая район проживания потерпевших.

– Пойми, эта семья слишком высоко сидит, – наступала Тесса. – Простым смертным тут делать нечего, поэтому компания Денби наняла мою компанию. Частная фирма для защиты частных интересов. Я не говорю, что это правильно или должно тебе нравиться. Так принято в их кругах.

Патрульный почти сдался, и как назло, именно в ту минуту на крыльцо вышла Диди Уоррен, детектив-сержант бостонской полиции. Белокурая железная леди сняла латексные перчатки, посмотрела на Тессу и усмехнулась.

– Говорят, ты стала копом по найму, – сказала Диди, спускаясь по ступенькам. Позолоченные солнцем кудри вздрагивали в такт шагам. В чувстве стиля детективу никто бы не отказал. На ней были темно-синие джинсы, голубая рубашка и кожаная куртка в тон карамельным ботинкам. Семисантиметровые каблуки ее нисколько не смущали.

– Говорят, ты стала мамой.

– И замуж вышла. – Детектив блеснула кольцом с синими камнями и остановилась возле патрульного, который озирался по сторонам, будто хотел спастись бегством.

Последний раз Диди и Тесса виделись два года назад в больничной палате. Диди вместе со своим напарником, Бобби Доджем, допрашивали Тессу по поводу гибели ее мужа, коллеги и еще двоих человек. Тессе не понравились вопросы Диди, а Диди не понравились ответы Тессы. Очевидно, обе до сих пор остались при своем мнении.

– Тебе разрешили носить оружие? – спросила детектив, показав подбородком на отчетливый контур под пальто Тессы.

– Обычно с этим проблем не возникает, если с тебя сняли все обвинения.

Диди закатила глаза. Она никогда не купится на версию Тессы.

– И чем ты здесь занимаешься? – резко поинтересовалась детектив-сержант.

– Забираю твое дело.

– Не выйдет.

Тесса промолчала, прекрасно зная, что перевес на ее стороне.

– Серьезно, – продолжила Диди. – Дело не мое.

– В смысле? – опешила Тесса. Такого поворота она не ожидала: Диди была прямой бостонской полиции и всегда играла главные роли.

– Его ведет Нил Кэп, – сказала прима и кивнула на входную дверь. – Если что, он там. Тессе пришлось покопаться в памяти.

– Погоди-ка. Рыжий сопляк, который все торчал у судмедэксперта? Этот Нил?

– Не зря я его повысила, – скромно заметила Диди. – Кстати, он на пять лет тебя старше и не любит, когда его называют сопляком. Если хочешь договориться с ним, придется быть повежливей.

– Необязательно. Я по поручению хозяйской компании.

Диди подозрительно прищурила голубые глаза.

– Ты говорила с семьей? – удивилась она. – Я бы с удовольствием с ними пообщалась.

Причем немедленно.

– Нет, не с семьей. Дом принадлежит не Джастину Денби, а его компании. Далеко не редкость в их среде.

Детектив Уоррен быстро прикинула, что к чему.

– Зараза, – вырвалось у нее.

– Около шести утра «Денби констракшн» наняла «Нортледж инвестигейшнз» для расследования всего, что связано с этой собственностью, – объяснила Тесса. – Я имею право войти в дом, осмотреть место преступления и провести независимый анализ. Ты можешь подождать факса с подтверждением или пропустить меня сейчас. Как я только что объясняла патрульному, у Денби большие связи. То есть тебе даже выгодно меня пропустить. Рисковать буду я.

Диди покачала головой и перевела взгляд на кирпичную стену. Возможно, чтобы успокоиться, но скорее всего, она набиралась сил для новой атаки.

– Какой у тебя стаж, Тесса? – спросила Диди. – Лет пять в качестве патрульного?

– Четыре.

Ветеран сыска подняла глаза.

– Для такого дела маловато, – призналась она честно и без всякой иронии. – Тебе не приходилось работать с уликами, тем более на пятиэтажном месте преступления. А о том,

чтобы брать на себя такую ситуацию, я вообще молчу. Речь идет об исчезновении целой семьи, включая несовершеннолетнего ребенка.

– Знаю, – ответила Тесса с невозмутимым лицом.

– Как Софи? – резко сменила тему детектив.

– Неплохо.

– Моего сорванца зовут Джек.

– Сколько ему?

– Одиннадцать месяцев.

Тесса улыбнулась.

– Любишь его, как никогда никого не любила? И с каждым днем только больше?

– Да, – сказала Диди, не отводя глаз.

– Я же говорила.

– Помню. Но знаешь, Тесса, в одном ты ошибалась. Есть границы, которые переступать нельзя. Коп должен это знать, как никто другой. А ты хладнокровно застрелила человека. Неважно, во имя любви или ненависти. Убийство есть убийство.

– Обвинение в убийстве, – спокойно поправила Тесса. – Обвинение в хладнокровном убийстве.

Диди даже не улыбнулась, но голос ее немного смягчился.

– В любом случае ты опять вместе с дочерью. Ты была права... Иногда я смотрю на сына и думаю, окажись он в опасности... В общем, я не оправдываю твоего поступка, но теперь лучше тебя понимаю.

Тесса и бровью не повела. Она уже представляла, что последует за иссякшими извинениями детектива Уоррен, и была недалеко от истины.

– Ладно. Допустим, у тебя есть разрешение собственника и я не могу помешать тебе войти и провести этот твой независимый анализ, – сказала Диди. – Но будь добра, уважай наши усилия. Нил – отличный следователь, ребята у нас опытные, с уликами мы прекрасно разберемся. Если случилось то, что мы подозреваем, судьба семьи зависит от слаженности и быстроты наших действий. Времени в обрез.

– Обычно ты не такая сговорчивая, – заметила Тесса, выдержав паузу.

– А ты обычно не такая глупая.

– Ну да.

– Так что, договорились?

Солнце поднялось уже высоко, нагрело кирпичный тротуар и осветило кремовый фасад дома. Тени в портале парадной начали растворяться. Слишком красивая улица для мерзкого преступления, подумала Тесса. Впрочем, неизвестно, что на самом деле творилось за закрытыми дверями бостонской элиты. Даже благополучная с виду семья не застрахована от несчастья. Уж Тесса это знала.

– Улики трогать не буду, – сказала она, сделав первый шаг вперед.

– Я тебя предупредила...

– Мне нужны только компьютеры.

– А что с ними?

– Потом объясню. Идем. Сама сказала, что времени в обрез... Поздравляю с новой семьей, Диди.

– А тебя – с новой работой, – отозвалась коллега. – Деньги-то приличные платят?

– Ага.

– Вкалываешь небось круглые сутки.

– К ужину всегда дома.

– Но по нам все равно скучаешь?

– Бывает.

Глава 3

Белый фургон свернул со Сторроу-драйв и направился на север сначала по 93-й, потом по 95-й автостраде. Было около часа ночи, и редкий поток транспорта задержек не обещал.

Водитель нисколько не волновался. Он спокойно перегонял белый фургон через Мас-сачусетс с небольшим превышением скорости. Заметив две патрульные машины, он, как и любой другой, слегка нажал на тормоз. Обычная картина.

В три ночи водитель сделал первую остановку – у давно закрытого захолустного кафе. На просторной грунтовой парковке задерживались только дальнотойщики, чтобы вздремнуть или справить нужду. Место было неприметное, потому что ничего особо интересного в этой глуши не происходило.

Самого младшего из группы, паренька по прозвищу Радар, отправили проверить «груз». Он открыл задние дверцы и осмотрел связанных. Девочка с женщиной лежали неподвижно, а вот мужчина зашевелился. Он открыл один затуманенный глаз, присмотрелся к Радару и сделал атакующий выпад вперед. Все еще под действием снотворного, упал ничком на резиновый коврик и опять обмяк. Радар задумчиво проверил его пульс, затем спокойно достал из сумки приготовленный шприц и сделал инъекцию в плечо мужчины. Пусть поспит еще немного. Паренек осмотрел веревки на руках и ногах всех троих и липкую ленту, которой им заклеили рты.

Все было в порядке. Он убрал шприц в сумку и хотел закрыть дверцы, но остановился. Сам не понял, почему. Безошибочное чутье никогда его не подводило. Не зря его окрестили Радаром во время первой же боевой операции – много лет, стран и подразделений назад. Он положил сумку и, не обращая внимания на окрики Зеда с водительского сиденья, еще раз оглядел своих подопечных.

Мобильные телефоны, ключи от машин, бумажники, складные ножи, айподы, айпэды – все, что могло пригодиться, оставили в кухне бостонского особняка. Радар счел это достаточной мерой предосторожности для гражданских, хотя Зед ясно предупреждал, что мужчина не простак: им, конечно, не ровня, но постоять за себя мог.

Недооценка – непозволительная оплошность, и тем не менее... Радар начал с девочки. Она слабо застонала, когда он ощупывал ее торс. Парень покраснел, но тут же напомнил себе, что работа есть работа – ничего личного. Этот красивый ребенок – всего лишь «груз». Дальше мать. Стыд по-прежнему не отпускал, однако Радар подумал, что уж лучше он проверит женщин, чем Мик. Будто прочитав его мысли, крупный блондин на заднем сиденье обернулся и недовольно выкатил опухшие, налитые кровью глаза.

– Какого черта? – рявкнул Мик. – Ты их проверяешь или лапаешь?

– Что-то не так, – пробормотал Радар.

– Что? – вмешался здоровяк Зед с водительского сиденья. Не теряя времени, он открыл дверцу и вышел.

– Не знаю, – буркнул Радар, тщательно обыскивая пленников. – Это я и пытаюсь выяснить.

Мик задвинул окно. Он недолюбливал Радара, но давно понял, что интуиции паренька стоит доверять. Если Радар чувствовал неладное, значит, так оно и было. Оставалось выяснить, что именно.

Зед уже стоял позади фургона. Для своей комплекции он передвигался быстро, а в черном камуфляже на фоне безлунной ночи внушал настоящий страх.

– Что не так? – повторил он.

И тут, ощупывая мужчину, Радар понял. Не прошло и шести часов, а они совершили первую грубую ошибку. Пока Радар просчитывал варианты, Зед взялся за нож. Паренек отошел в сторону и инстинктивно отвернулся.

Один колющий удар, три режущих. Ни больше, ни меньше. Готово. Зед осмотрел результат, довольно крикнул и вернулся к кабине, предоставив Радару как самому младшему разбираться с мусором.

С неровным дыханием Радар взялся за дело. Он был рад, что выбрал для остановки заброшенное кафе. Еще больше он радовался темноте, скрывающей детали даже от него самого.

Закончив, схватил сумку с пола кузова и не глядя закрыл дверцы. Ничего личного – работа есть работа, напомнил он себе.

Через полминуты Радар неловко примостился в кабине рядом с Миком.

Белый фургон под покровом ночи отправился дальше на север.

Глава 4

Тесса переступила порог со смешанным чувством тревоги и любопытства. Ей одновременно было страшно, что она увидит следы насилия над ребенком, и интересно, как выглядит жилище бостонского мультимиллионера. О старых домах в этой части города ходили легенды, и особняк Денби Тессу не разочаровал. Она залюбовалась на полированные деревянные полы, трехметровые потолки и резную отделку.

Как и большинство бостонских особняков, дом был невелик в основании, зато высок. Двухэтажную переднюю освещала массивная люстра из дутого венецианского стекла. Наверх вела красиво изогнутая лестница, а слева располагалась гостиная с великолепным традиционным камином и выходом на кухню, которая наверняка была отделана гранитом и оснащена по последнему слову техники.

В целом интерьер не был вычурным или ультрамодным. Яркие пятна лишь кое-где разбавляли теплые нейтральные цвета. Несколько современных картин, немного антиквариата. Дом впечатлял, но не поражал – в самый раз для приема деловых партнеров и состоятельных соседей.

В таком окружении сцена в передней выглядела еще мрачнее.

Водянистая рвотная масса у стены справа, в полутора метрах от входной двери. Кружочки ярко-зеленых конфетти с серийным номером тазера, из которого стреляли. В полицейской академии Тессе не раз приходилось убирать их после тренировок, и что такое электрошокер, она знала не понаслышке. Ожоги на ногах до сих пор не давали забыть.

Рядом с лужей рвоты и конфетти желтели опознавательные таблички для вещественных доказательств. Еще одна лежала у черных полос от чьей-то обуви. Тесса присела, чтобы получше рассмотреть конфетти. Толку от них было мало. С одной стороны, серийный номер позволял вычислить использованный тазер, так же как бороздки на пуле – огнестрельное оружие. Однако закон Массачусетса запрещал применение тазеров гражданскими лицами. То есть стрелявший, скорее всего, купил электрошокер на черном рынке, а документы подделал.

Следы от обуви заинтересовали Тессу больше. Протектор не отпечатался, и определить модель и изготовителя было невозможно. Вероятно, кроссовки с черной подошвой или рабочие ботинки. Только чьи? Джастина Денби? Нападавшего? Вопросы посыпались один за другим. Волнение росло.

На мгновение Тесса забылась. Она опять была у себя на кухне, только что с дежурства, служебный ремень все еще на поясе, шляпа патрульного надвинута на глаза. Она медленно достает из кобуры «ЗИГ-Зауэр» и дрожащей рукой выставляет его между собой и мужем... «Кого ты любишь?»

– Джастин Денби очень осторожен, – застрочила Диди. – Установил в доме современную систему безопасности. Она была выключена в 5:30, когда пришла экономка. Та пользуется задним входом. Сначала открывает гараж с помощью одного кода, потом подвал с помощью другого. Дверь гаража была опущена и закреплена, а вот дверь в подвал оказалась открытой. Экономка поднялась на кухню и увидела, что лежит на столе.

Обойдя конфетти и лужу рвоты у стены, Диди повернула налево, в гостиную. Тесса ступала за ней шаг в шаг, чтобы не наследить. Она все думала про то утро: домишко в рабочем районе Бостона, скромная кухонька. То, что произошло там, – и здесь, в шикарной передней... Насилие уравнивало всех, независимо от состояния, положения и профессии. Жертвой мог оказаться кто угодно и когда угодно.

В огромной кухне, которая занимала всю заднюю часть дома, было чисто, как в операционной, – и безлюдно. Тесса метнула взгляд на коллегу. Судя по машинам снаружи, в доме

находились шестеро детективов, но пока она видела только Диди. Вернее, поправила себя Тесса, на первом этаже работал один полицейский. Она машинально посмотрела на потолок: похоже, наверху что-то потребовало внимания как минимум пяти человек.

– Вуаля! – Диди показала на большой стол в центре кухни.

На полированной столешнице из золотисто-зеленого гранита громоздилась куча разных предметов.

Тесса вынула из кармана пальто латексные перчатки, медленно подошла и стала разбираться.

Женская сумочка из дорогой коричневой кожи – видимо, итальянская. Смартфон. Айпод. Мужской бумажник. Еще один смартфон. Две связки ключей: одна от «рейнджровера», другая от «мерседеса». Два айпада. Красный швейцарский нож, полностью сложенный. Розовый блеск для губ, пачка наличных и две пластины жевательной резинки в серебристой обертке.

Сумочка и одна связка ключей, скорее всего, принадлежали жене. Бумажник, складной нож, вторая связка ключей и один из смартфонов – мужу. Остальное – типичный набор современной школьницы – Эшлин.

Содержимое карманов и сумок целой семьи специально выложили посередине обеденного стола, словно подношения на алтарь.

Тесса встретила взглядом с Диди.

– Два телефона? – спросила она.

– Три. Телефон Либби в сумочке. Мы связались с оператором. Ждем факс с детализацией звонков и сообщений за последние сорок восемь часов. По предварительной информации, ни с одного из телефонов после двадцати двух ноль-ноль вчерашнего дня не звонили. На номер Эшлин поступило несколько эсэмэсок от обеспокоенных друзей, но ответных сообщений не последовало. В двадцать один сорок восемь была последняя исходящая эсэмэска с ее номера, около полуночи – последняя входящая, четвертая по счету, от ее лучшей подруги Линдси Эдмистон. Та просила немедленно ответить.

– Преступник застает семью врасплох, – начала рассуждать Тесса вслух. – Жертвы не успевают воспользоваться телефонами. Он оглушает их из тазера. Отсюда конфетти на полу. Потом связывает их и отбирает все личные вещи.

– Ограбление то еще, – язвительно заметила Диди.

– Ты права, – согласилась Тесса. – Никакое это не ограбление. Смартфоны, сумку и бумажник взяли бы в первую очередь. Зачем их оставлять?

Интересно, была ли семья в сознании, когда их обыскивали? Скорее да, чем нет. Шокер оглушает только временно. В момент включения тока через тело жертвы проходит разряд, поражающий все нервные окончания. Мучительная боль прекращается после выключения тока, и человек остается на ногах. Именно из-за этого полицейские предпочитают тазеры, а не газовые баллончики. Перцовый аэрозоль делает из пораженного бесформенную массу в соплях и слезах, которую нужно как-то усадить в патрульную машину. А вот пары-тройки выстрелов из тазера хватает, чтобы нарушитель как миленький сел сам – лишь бы больше током не били.

Итак, Денби, вероятнее всего, были в сознании, связанные и запуганные, пока преступник выкладывал их личные вещи на стол. Родители поняли, что происходит не ограбление, а нечто страшнее. Более личное.

– Раз ты решила ничего не трогать, – сказала Диди, – открою тебе небольшой секрет.

Тесса терпеливо ждала продолжения.

– Под этой горой электроники семейные драгоценности: обручальное кольцо, свадебные кольца, пуссеты с бриллиантами, золотые серьги, два кольца и «ролекс». В ломбарде за них дали бы как минимум сто тысяч долларов.

- Охренеть, – не сдержалась Тесса.
- Я и говорю. Ограбление то еще.
- Так, ладно. Что там за система безопасности?
- Электронная. Как в тюрьмах, которые строила фирма Денби. В двери встроены замки со стальными ригелями. Управляются через контрольную панель. Вбей один код – и система автоматически закроет все входы и выходы. Вбей другой – и все замки автоматически откроются. Не исключено, что есть коды для разблокировки конкретных внутренних или внешних дверей. Кроме того, везде стоят датчики. Если дверь или окно пытаются открыть вручную, срабатывает сигнализация, и система оповещает охранную компанию.
- И в полшестого, когда пришла экономка, все было отключено?
- Да. Она удивилась, потому что Джастин Денби требовал, чтобы замки запирали всегда, независимо от того, был кто дома или нет.
- Основы выживания в большом городе, – сухо прокомментировала Тесса и задала резонный вопрос: – А кто знал коды?
- Члены семьи, экономка и охранная компания.
- Часто меняли?
- Раз в месяц.
- Систему можно отключить вручную: перерезать провода или вроде того?
- В охранной компании сказали, что любая манипуляция с проводами привела бы к включению сигнализации. К тому же тут двойная проводка: и оптоволокно, и кабель. Я не совсем разобралась, но Джастин Денби знал в этом толк и у себя дома установил все грамотно. В чрезвычайной ситуации – скажем, при пожаре – охранная компания могла открыть дом для служб экстренного реагирования, но таких запросов не поступало. Тот, кто проник в дом, знал, что делал.
- Экономка заходит через гараж. А сами хозяева? – спросила Тесса, повернувшись к детективу.
- Если пешком, то через парадную. Если Либби на машине, то через гараж. Однако Джастин и Либби собирались в ресторан. В таких случаях они брали машину Джастина.
- То есть он свою машину в гараж не ставил?
- Нет. Гараж одноместный. Надо полагать, Джастин его галантно уступил жене. У них есть еще одно парковочное место: им пользуется экономка. Видимо, Джастин редко бывает дома, поэтому, как правило, держит свою машину в корпоративном гараже и ездит на служебном транспорте. А когда возвращается с работы, паркуется на улице, как простой смертный. – Диди закатила глаза.
- А где была Эшлин?
- Сидела дома, пока родители развлекались.
- Тесса прокрутила ситуацию.
- Значит, дочь дома. Родители возвращаются. Заходят с улицы... Злоумышленник уже внутри. Он нападает на Джастина и Либби в передней.
- Злоумышленник или злоумышленники?
- Думаю, их было несколько. Одному человеку с тазером троих не захватить. Кроме того, Джастин – строитель. Босс говорит, он мужчина крупный, в хорошей форме.
- Крупный, – согласилась Диди. – И в очень хорошей форме.
- В общем, злоумышленники. Один или двое в передней. Фактор внезапности. Родители в шоке. Остается девочка.
- Кого схватили в первую очередь: родителей или ребенка?
- Ребенка, – не задумываясь, ответила Тесса. – Стоит взять ребенка – и родители в твоих руках.

– Точно. И здесь один из похитителей чуть не оплошал. Идем на третий этаж. Там комната девочки.

Глава 5

На неделе, когда мне исполнилось одиннадцать, я потеряла отца. При мысли о нем я всегда вспоминаю бисквитный торт с пестрой посыпкой на сливочной глазури и тающими свечами в центре. До сих пор чувствую запах воска и слышу «С днем рождения» – песню, которую я никогда не пела своему ребенку и никогда не спою.

Папа разбился на мотоцикле. Не надел шлем, как выяснилось.

После аварии голубые глаза мамы потухли навсегда. «Естественный отбор», – ворчала она, а у самой тоска на лице. Впервые в жизни я ненавидела отца и очень сильно по нему скучала.

Лишившись его зарплаты электрика, мы с мамой хлебнули лиха. Раньше она работала неполный день в химчистке за углом, и денег хватало. У нас были уютная квартирка в рабочем районе Бостона, старенькая подержанная машина для мамы, мотоцикл по выходным дням для папы. Одежду мы покупали в торговом центре, а если маме хотелось шикануть – в распродажном магазине. Мне не приходилось волноваться ни о куске хлеба, ни о крыше над головой. Друзья мои тоже были из небогатых семей, и друг другу никто не завидовал.

Мы держались на плаву, однако у нас не было возможности купить страховку или хотя бы откладывать на черный день. Смерть отца смела процентов семьдесят семейного дохода, и пособие по потере кормильца эту брешь не закрыло. Маме пришлось перейти на полную ставку, а потом подрабатывать уборщицей: два раза в будни и каждые выходные. Я ходила с ней, помогала мыть, чистить, пылесосить. Так и началась наша борьба за выживание.

Прощай, уютная квартира, здравствуй, клетушка в убогом муниципальном доме, где кишат насекомые и жильцы засыпают под звуки стрельбы. По пятницам мама включала газовую плиту, а я стояла рядом с баллончиком «Рейда». Убив штук двадцать-тридцать тараканов, мы садились праздновать перед крошечным черно-белым телевизором – смотрели сериал.

В нашем новом мире были свои радости.

Мне повезло. Мама никогда не опускала руки, никогда не отчаивалась. Передо мной, по крайней мере. Хотя ночью я не раз слышала, как она плачет за стеной – от горя, усталости и стресса. Она имела полное право, и наутро я ничего не спрашивала – просто вставала и вновь погружалась в наши заботы.

В школе я открыла для себя изобразительное искусство. У нас была учительница, миссис Скрибнер. Цветастыми юбками и гроздьями золотых и серебряных браслетов она походила на цыганку, которая заблудилась в бедных городских кварталах. Ученики над ней посмеивались, однако, переступая порог ее класса, как будто переносились в другую реальность. На выбеленных стенах красовались водяные лилии Моне, подсолнухи Ван Гога, пятна Поллока и мягкие часы Дали. Перед буйством цвета и красок забывались тусклые школьные коридоры, обшарпанные шкафчики и текущие потолки. Занятия миссис Скрибнер стали для нас спасением. Вдохновляемые ее энтузиазмом, мы пытались увидеть красоту в нашей нелегкой, а порой и трагичной жизни.

Когда я сказала маме, что хочу изучать искусство в колледже, она пришла в ярость: «Рисование – не профессия! Спустишься с небес на землю. Как ты потом работу найдешь? Выучись хотя бы на бухгалтера. Начнешь зарабатывать, и мы наконец-то вылезем из этой дыры. Или, если уж тебе приспичило что-то творческое, иди в маркетингологи. Да куда угодно, лишь бы потом сопли на кулак не наматывать».

Миссис Скрибнер ее переубедила. Она не стала говорить маме, что у меня талант или призвание, а просто упомянула о стипендиях для нуждающихся студентов. Такой ключик к сердцу мамы подошел. Я стала осваивать живопись, скульптуру, разные художественные

средства, пока в один прекрасный день не узнала про серебряную глину – материал, который позволял объединить лепку и ювелирный дизайн. Идея понравилась даже маме. Ведь украшения материальны. Если дело пойдет, она могла бы продавать их своим клиентам.

Когда я поступила в колледж, у мамы обнаружили рак легких. «Естественный отбор», – бурчала она, жадно глядя на пачку сигарет. Были варианты лечения, но она особо за жизнь не цеплялась. Думаю, ей не хватало отца. Спустя семь лет она хотела вновь увидеться с ним.

На втором курсе я похоронила мать и в двадцать лет осталась одна – со стипендией и отчаянным желанием творить и искать прекрасное в беспросветном мраке существования.

Справлялась я неплохо. Родители хорошо меня воспитали, и при всей внутренней уязвимости я была крепким орешком. Джастин мной восхищался. Я много работала, но и его помощи не отвергала. Сам он крутился на стройке сутки напролет. Меня не беспокоило такое рвение, покуда Джастина не беспокоила моя потребность уединяться в мастерской. Я не ждала спасителя или принца на белом коне, с которым буду жить счастливо и умру в один день.

И тем не менее... Я полюбила. Всем сердцем. Сильного, красивого, целеустремленного мужчину. Он хотел подарить мне весь мир, и я не стала отказываться.

У нас была гармония, взаимоуважение и море страсти. Вскоре появился бостонский особняк, машины, гардероб, не говоря о возможностях выше всех моих ожиданий.

Потом родилась Эшлин, и я поняла, что могу любить еще больше. Казалось, это крошечное сокровище было моим самым великим достижением, венцом моей жизни.

Новорожденная дочь спала у меня на руках, а я торжественно гладила ее по пухлой щечке и нескромно обещала золотые горы, ясное небо и бескрайний горизонт.

Она никогда ни в чем не будет нуждаться. Вкус праздничного торта и запах свечей не будет ее преследовать. Выстрелы и мамины рыдания не заменят ей колыбельную. Ради нее – все что угодно.

В то время, когда мы с мужем были без ума друг от друга, я верила, что вместе мы справимся с любыми невзгодами.

Глава 6

Скрученный шлейф лестницы на втором этаже переходил в обычный зигзаг. Диди, не останавливаясь, поднималась на третий.

Других детективов пока видно не было. Кое-где лежали желтые опознавательные карточки, в основном рядом с черными полосами на полу. Тесса почти не сомневалась, что следы оставили преступники: хорошая экономка давно оттерла бы грязь, а хорошая жена попросила бы разуваться у двери.

– Есть еще лифт, – сказала Диди.

– Серьезно?

– Ага. От гаража до террасы на пятом этаже. Видела двойную деревянную дверь в конце коридора? Лифт за ней. Отодвигаешь деревянную панель вправо, нажимаешь на кнопку – и готово. Могу поспорить, жена после йоги только им и пользуется.

Тесса промолчала. Владельцы крупной строительной компании жили в комфорте.

– Да, а в цоколе у них винный погреб, встроенный оружейный сейф и комната для гувернантки, – продолжила Диди. – Винный погреб и оружейный сейф закрыты и нетронуты. Комната для гувернантки открыта, но в нее, похоже, не заходили.

– У них есть няня?

– Сейчас – нет. Возможно, раньше, когда Эшлин была маленькой. Теперь им хватает приходящей экономки, Дины Джонсон.

– Для троих дом великоват, – заметила Тесса. – Как они вообще не теряются? Тут, наверное, двести квадратных метров на человека.

Диди пожала плечами.

– Сейчас многие так живут.

– Софи до сих пор иногда ко мне в постель забирается, – задумчиво ответила Тесса.

– Да? А моего Джека не уложить. Он как будто пятилетку выполняет.

– Не волнуйся. В детский сад пойдет, легче будет. Они там весь день бесят, а в семь уже спят как сурки.

– Отлично. Осталось подождать каких-то два года.

– Если ты второго не сделаешь.

– Ну уж нет. Одних родов в сорок мне хватило. Баста. Вот ты моложе, ты и рожай, а я усыновлю.

Они дошли до третьего этажа. Лестничный пролет упирался в широкий коридор с несколькими дверями по обе стороны. Тесса сразу заметила с полдюжину опознавательных карточек и рыжего детектива у стены, который что-то осматривал.

– Нил, – окликнула его Диди. – Я тебе гостью привела.

Нил поднял голову и прищурился. Тессе опять показалось, что ему лет шестнадцать, но потом она увидела морщинки в уголках его голубых глаз.

– В смысле?

Тесса шагнула вперед и протянула ему руку.

– Тесса Леони, «Нортледж инвестигейшнз». Собственник дома, «Денби констракшн», наняла меня для проведения независимого расследования.

– Собственник дома? «Денби констракшн»... Секунду. Тесса Леони? Та самая Тесса Леони?

Прошло всего два года, и в свое время так много писали о случившемся... Тесса терпеливо ждала.

Нил переключился на Диди.

– Впустили ее, не спросив меня? Вы бы на моем месте такую бучу устроили!..

– Она дала слово ничего не трогать, – мягко ответила Диди.

– Мне нужны только компьютеры, – прервала ее Тесса. – Я их даже забирать не буду. Просто проверю кое-что для начала. Можете посмотреть, но... – Она лукаво покосилась на Диди. – ...вы тоже дайте слово ничего не трогать.

– Счет идет на минуты! – возмущенно заметил Нил.

– Это понятно.

– И место преступления – сплошной ребус!

– Сколько преступников, по-вашему? – спросила его Тесса.

– Как минимум двое. Один с тазером, другой в черных ботинках. Только я вообще не обязан ничего вам пояснять.

– Компания «Денби констракшн» очень надеется на вашу помощь и была бы рада поделиться с вами информацией.

Нил поджал губы, и его переносицу перерезала морщинка. Он обдумывал ситуацию. Улик Тесса не трогала, и у фирмы Джастина действительно были сведения, необходимые полиции. В первую очередь предстояло получить доступ к финансовой документации и личным делам сотрудников.

– Думаю, их было трое или четверо, – сказал Нил. – Подтвердить пока не могу. Как раз ищу зацепки и пытаюсь разговорить стены.

Тессе это было знакомо. Расследование часто походило на шаманство. А иногда стены и вправду говорили, по крайней мере с криминалистами.

– Что за жидкость? – спросила Тесса, показав на дорожку капель, обозначенную желтыми карточками.

– Моча. В конце коридора ванная Эшлин. Похоже, она сидела в туалете, когда нарисовались похитители, потому что в унитазе тоже моча, а туалетной бумаги нет.

– А моча точно не похитителя? – спросила Диди.

– На всякий случай я отправил образцы в лабораторию, – неохотно ответил Нил, все еще злой на свою начальницу. – Но логичнее предположить, что девочка писала и испугалась, когда услышала шум. Спускать воду, естественно, не стала. Она схватила лак для волос и бросилась на чужака.

– Надо же! – удивленно воскликнула Тесса. – Можно взглянуть?

– Только ни к чему не прикасайтесь.

Тесса расценила его ответ как разрешение. Оставив Диди, она прошла по коридору. Миновала дверь хозяйской спальни и кабинета, где за компьютером сидел другой детектив, и заглянула в следующую комнату слева. Та, без сомнения, принадлежала девочке. На ярко-розовых обоях висели плакаты с рок-звездами, а велюровый ковролин был усеян одеждой. Сразу три детектива пытались определить, что было вещественным доказательством, а что – частью обычного бардака.

Роскошная ванная комната ничем не выбивалась из контекста дома. Бежевый итальянский кафель, двойная раковина, стеклянная душевая кабинка. Кругом поблескивала никелированная арматура, которая стоила целое состояние, – Тесса видела такую в телемагазине.

В отличие от Тессы, Эшлин было плевать на красоты интерьера. Гранит длинной столешницы с золотистыми прожилками скрывало беспорядочное нагромождение косметики, резинок для волос, расчесок и лосьонов от акне. На крышке сливного бачка была такая же свалка. Тесса долго ее разглядывала, потом вернулась к столешнице и открытой двери.

– Свет включен или выключен? – обратилась она к Нилу.

– Технически?

– Да, – протянула она, не уверенная в том, что имелось в виду.

– Технически, – живо повторил детектив, – питание отключили на главном электрическом щитке, то есть весь нижний этаж обесточили. В передней выключатель стоит в положении «включено». Думаю, родители шелкнули, вернувшись домой.

Предположение Нила было убедительным. Во-первых, кто-то из супругов Денби наверняка попытался бы включить свет. Во-вторых, если преступники смогли обойти навороченную систему безопасности и вооружились тазерами, они догадались бы добраться и до щитка.

– А здесь, наверху?

– Здесь отключать не стали. Наверняка сообразили, что, если погаснет свет, девочка позвонит отцу или еще кому-нибудь.

– Ясно. В коридоре на этом этаже свет горел?

– Да.

– А в ванной?

– Нет.

– Хотите женскую версию? – предложила Тесса. – Эшлин не стала закрывать дверь. Она ведь была одна в доме. Времени десять вечера, пятница. Спать она еще не собиралась, но уже надела все домашнее и устроилась в кровати. Потом ей захотелось в туалет. Она заходит в ванную, делает свое дело в темноте, вдруг поднимает глаза и видит в дверном проеме... его. Эшлин в ужасе.

– Еще бы, – согласилась Диди.

– Она хватает с края столешницы лак для волос – наверное, вон оттуда, где осталось свободное место, – вскакивает и пшикает в лицо похитителю. Тот не ожидал сопротивления от ребенка и уклониться не успел. Он отступает, и Эшлин удается выскочить.

Нил внимательно смотрел на Тессу и задумчиво кивал.

– Она кинулась в родительскую спальню, – тихо проговорил детектив.

У Тессы комок застрял в горле. Она непроизвольно вздохнула.

Напуганная до смерти пятнадцатилетняя девчонка побежала к родителям, забыв, что их нет дома и они не смогут ни защитить, ни помочь.

Следом за Нилом Тесса вышла из детской и направилась в хозяйскую спальню, которая после бардака Эшлин показалась тихим бежево-шоколадным оазисом с портьерами в пол, кушеткой у мраморного камина и большой кроватью с обитым кожей изголовьем.

Массивный письменный стол в левом углу выдавал первые признаки борьбы или погони. Мягкое офисное кресло опрокинuto, колеса на ножках вывернуты в разные стороны. Тяжелая настольная лампа валяется на полу, а один из ящиков стола выдвинут.

– Бронзовый канцелярский нож, – сказал Нил. – Девчонка – молодец, соображала быстро. Схватила нож и дала отпор.

– Кровь нашли?

– Нет. Видимо, Эшлин проскочила мимо нападавшего и вернулась к себе.

Троица озадаченных следователей снова вышла в коридор. По дороге в комнату девочки следов мочи не было, поэтому Нил и решил, что девочка сперва побежала в спальню к родителям. Там она натянула штаны, и паника сменилась стратегическим расчетом.

Тесса остановилась.

– Зачем опять к себе? Почему не на лестницу?

– Спросим у Эшлин, когда найдем ее, – ответил Нил. – По-моему, она хотела взять телефон.

– Точно, спасательный круг для любого подростка. Первая мысль – позвонить родителям. Вторая – другу. В крайнем случае – отправить эсэмэс.

Более внимательно осматривая детскую, Тесса поняла, что одежду не просто сбросили на пол – ее кидали по всей комнате. В преследователя летели книги, настольная лампа, часы.

Наверное, он был совсем близко, гонялся за Эшлин, а она бегала вокруг кровати и швыряла все, что попадало под руку, надеясь, что сможет достать мобильный.

На противоположном конце разворошенной постели Тесса заметила бронзовый канцелярский нож с хрустальной ручкой. Шикарная вещица, подумала она. Аксессуар для письменного стола. Таким глотку не перережешь.

– Значит, она вернулась сюда, – проговорила Тесса и оценила остальные достопримечательности: сломанную лампу, треснувший ноутбук, разбитый вдребезги снежный шар. – Сопротивлялась изо всех сил.

– Причем напрасно, – прокомментировал Нил.

– Боюсь представить, чего ей это стоило, – тихо добавила Диди.

Лезвие ножа было чистым. Эшлин так и не пустила свое оружие в ход.

– По-моему, здесь их было двое, – сказал Нил. – Первый нападавший позвал на помощь. Черные отметины оставил второй, потому что в ванной и спальне их нет, только на лестнице. То есть второй взбежал по лестнице и отправился напрямик в детскую.

Тесса согласилась. Следы мало о чем говорили, но теоретически версия Нила казалась верной.

– Пока моя уважаемая коллега проводила по дому экскурсию для частных следователей, – Нил стрельнул взглядом на Диди, которая сияла от гордости за своего лучшего ученика, – я позвонил в «Скампо», где, по словам экономки, ужинали Денби. Мы проверим запись с камеры наблюдения, но парковщик отеля «Либерти» говорит, что подогнал их машину около десяти вечера. Судя по всему, Денби частенько там бывают и не скупятся на чаевые, так что персонал знает их хорошо. Езды оттуда минут пять. Значит, Денби вошли в дом где-то в десять пятнадцать.

– Одна из первых эсэмэсок, на которые не ответила Эшлин, зарегистрирована в десять тринадцать, – напомнила Диди.

– Да. В общем, похитители проникли в дом примерно в десять, – продолжил Нил. – Как минимум двое поднялись наверх за Эшлин, и как минимум один караулил счастливую парочку у входа. Джастина как самое сильное звено вырубили из тазера в первую очередь. С женой разобраться легче.

– Это его стошнило? – спросила Тесса, сведя брови.

– Нет, жену.

– Почему вы так решили?

– По словам официанта из «Скампо», Джастин ел, а она в основном пила и заметно захмелела к концу ужина. Рвотная масса, как вы сами видели...

– ...жидкая, что подтверждает вашу догадку.

– То есть что у нас получается? – подвел итог Нил. – Муж обезврежен тазером, жене плохо, а дочь отбивается так, что в одиночку ее не взять.

– Похитителей было трое. Не меньше.

– Сомневаюсь, что против Джастина Денби в передней выставили одного человека, – сказала Диди.

– Ладно, четверо, – допустила Тесса. – И зачем они всю семью вывезли?

Нил и Диди недоуменно уставились на нее.

– Требований о выкупе «Денби констракшн» не получала, – пояснила Тесса. – О похитителях пока ни сном ни духом не слышно.

Диди вопросительно изогнула бровь и задумчиво опустила взгляд. Они с Нилом по-прежнему молчали.

Тесса знала, что они перебирали версии. Может быть, у нее не было их опыта работы в расследовании убийств, но в «Нортледж инвестигейшнз» она прошла интенсивный восьминедельный курс криминологии. А учитывая высокопоставленную клиентуру компании, два

дня она изучала похищения, в том числе за рубежом. Первое правило гласило: если похитители собираются требовать выкуп, они сразу выходят на связь – но не для того, чтобы успокоить семью жертвы или ускорить действия полиции. Самое главное – похищение всегда подразумевает сложные передвижения: жертв нужно захватить, доставить в укрытие, а потом обеспечивать всем необходимым и кормить, пока не выполнят требования. Чем дольше держат заложников, тем больше передвижений, тем выше риск засветиться. Кроме того, заложники могут погибнуть, лишив преступников всякой надежды на получение выкупа.

Поскольку в данном случае похитили целую семью, схема крайне усложнялась. Двоих взрослых и одного подростка нужно перевозить, содержать и контролировать.

Если все это затевалось ради денег, вымогатели не заставили бы себя ждать. К примеру, они могли бы подбросить записку рядом с горой личных вещей на кухне, позвонить в «Денби констракшн» или на домашний номер Денби, чтобы переговорить с выехавшими на место полицейскими.

Тесса посмотрела на часы. Загвоздка в том, что сейчас уже 11:12. Предположительно, семью похитили больше двенадцати часов назад, и никто до сих пор не позвонил.

– Пора проверить семейный компьютер, – тихо сказала она.

Глава 7

Трое в белом фургоне спали: два здоровяка спереди на откинутых сиденьях, паренек сзади, с черной брезентовой сумкой под головой. Не самые удобные позы, но случилось спать в условиях и похуже. Под палящим чужеземным солнцем, лежа в окопах, словно трупы, со скрещенными на груди руками. В джунглях, тщетно прячась от бесконечного дождя под навесом тропической зелени. Сидя в грузовых кабинах военных самолетов и не размыкая глаз, даже когда потряхивало на высоте и плечевые ремни врезались в шею.

Они привыкли засыпать и просыпаться по команде. Первым делом – задание, удобство – потом.

Передышка стала приятной неожиданностью. Спустя тридцать шесть часов после подготовки и начала операции Зед объявил отбой. Выспаться раньше они позволить себе не могли. Многого нужно было успеть за ночь.

Теперь, когда первый этап пройден, до конечной цели рукой подать и все спокойны и довольны результатом, дневной свет – не помеха. Они уехали далеко на север. Канада была ближе, чем Массачусетс. Здесь, в безлюдной глуши, среди гор и лесов, можно наткнуться только на медведей. Правда, те уже впали в зимнюю спячку, так что ни одно живое существо троице не угрожало.

Зед хотел оставить Мика – или лучше Радара – присматривать за «грузом», но последняя доза снотворного сделала свое: никто сзади не шевелился. Вот и отлично. Одна из поставленных перед ними задач была как можно меньше травмировать женщину и девочку, особенно в дороге.

По прибытии на место они получают новые указания. Возможно, им разрешат не церемониться с похищенными. В любом случае их дело – не вопросы задавать.

Заказ принят и профессионально выполняется, а в конце ждут такие бешеные деньги, что Радар, к примеру, собирался вообще забыть про работу и грезил о песчаных пляжах, ромовых коктейлях и пышногрудых дивах. Возможно, он даже женится на одной из них, сделает пару детишек и поселится в раю, где его ждут рыбалка и жаркие ночи в объятиях красавицы жены.

Когда фургон остановился на старой площадке для кемпинга, сразу же затерявшись в ельнике, Радар опять достал снотворное. Ради долгожданного сна, рыбалки и пышногрудых красавиц он увеличил дозу.

Радар убрал сумку, предвкушая три часа отдыха, но внезапно засомневался. Женщина, подсказывал его внутренний голос. Что-то с женщиной.

Он внимательно ее осмотрел. На побледневшем лице появилась испарина, сжатые веки подергивались, а дыхание быстро участилось. Выглядела она неважно. Может, от укола, хотя препарат был щадящий. Радар проверил ее пульс, температуру, послушал сердце. Все в порядке. Но ей было... нехорошо. Укачало? Грипп? Шок?

Наверное, ей снится сон, решил он. Кошмар, судя по сердцебиению.

А это не его проблема.

Радар собрал вещи, забрался на заднее сиденье и почти сразу отключился.

Трое в белом фургоне спали.

Потом главный открыл глаза, поднял спинку кресла, завел двигатель и выехал на извилистую горную дорогу.

Суббота, одиннадцать утра. Белый фургон направился на север.

Глава 8

Последние полгода с Того Дня я боялась ложиться спать. Было даже время, на второй или третий месяц, когда вечера наводили на меня ужас. Казалось, если я останусь на ногах, не усну, не закрою глаза, завтра не наступит. Я не хотела никакого завтра. Оно меня пугало. Неназванный срок, когда нужно принять судьбоносное решение о браке, о семье, о будущем. Завтра могло принести печаль, одиночество, съёмное жильё, пятничные рейды на тараканов и все уроки, выученные в детстве, которые я так хотела забыть.

Среди ночи я бродила по дому. На кухне проводила рукой по граниту стола, вспоминая, как Джастин ездил со мной в карьер выбирать плиту. Мы одновременно показали на эту и засмеялись, как школьники, с радостью узнавшие, что любят одно и то же.

Из кухни я спускалась в винный погреб, рассматривала бутылки, которые специально припасла, чтобы удивить Джастина, его партнеров и ребят из фирмы. Поразительно, как много простых строителей и рабочих разбирается в винах. Толика опыта, и самый последний экскаваторщик в состоянии оценить сбалансированное «Пино-нуар» из Орегона или терпкое красное из Испании.

Джастин тогда спал внизу. В комнате для гувернантки, как это здесь называется. Хотя дочь мы воспитывали без няни. Его дверь была напротив винного погреба, в другом конце коридора. Во время моих ночных хождений я останавливалась перед ней в густом мраке подвала. Прикасалась к теплему дереву и думала о том, где на самом деле мой муж. Спит здесь? Или вернулся к ней? А может – и от этой мысли меня пронзала дикая боль, – он привез ее сюда?

Я никогда не открывала дверь, не стучала, не подглядывала. Просто стояла, и в голове проносились мысли. Раньше между нами был такой магнетизм, что Джастин почувствовал бы мое присутствие, вышел, обнял, зацеловал. Но восемнадцать лет брака взяли свое. Привлекательность ослабла. Магнетизм сошел на нет. Я могла стоять в нескольких шагах от мужа, а он ничего не подозревал.

В конце концов я поднималась наверх и подходила к комнате дочери. Опять без стука и попыток войти туда, где меня больше не ждали. Я садилась на пол в коридоре, прислонив голову к стене, и представляла себе белый шкаф с другой стороны. Я знала наизусть каждую вещь на каждой полке. Музыкальная шкатулка с балериной после первого похода на «Щелкунчика». Игрушечный табун, перекочевавший в самый низ, когда Эшлин остыла к лошадям. «Цветок красного папоротника», «Маленький домик в прериях», «Трещина во времени» – любимые книжки детства, небрежно сваленные на более аккуратный ряд «Гарри Поттеров» и «Сумерек».

Как и я, дочь была художником в душе, поэтому в шкафу появились коллекции полированных ракушек, крашеных камней и ожерелий из морских стеклышек, которые она пополняла после каждой поездки в наш домик на Кейп-Код.

На комоде стояли две винтажные фарфоровые куклы в кружевных платьях и с завитками блескучих волос. Одну Джастин привез из Парижа, другую мы вместе нашли в антикварной лавке. Обе были дорогие и когда-то береглись как зеница ока, а сейчас служили подставкой для многочисленных бисерных браслетов, заколок, резинок и почти забытых золотых цепочек.

Иногда, глядя на хаос в комнате дочери, я готова была все сжечь, а иной раз хотелось сфотографировать, зарисовать или еще как-то увековечить эту паутину детских грез, подростковых желаний и девичьих увлечений.

В ночном сумраке я сидела и перечисляла «сокровища» Эшлин. Это стало моей мантрой, способом убедить себя, что последние восемнадцать лет прошли не даром, что я любила и была любимой. Не все это было ложью.

Потом я возвращалась к мыслям о предстоящих днях, неделях, месяцах... Не хотелось видеть себя обычной женщиной средних лет, брошенной неверным мужем, забытой собственной дочерью и превратившейся в тень без лица и без цели в жизни.

Я сильная, независимая. Дизайнер, черт возьми.

Затем я вставала и брела на крышу. Там смотрела на тускнеющие огни города, обхватив себя руками от холода, и шаг за шагом приближалась к краю...

Всю ночь продержаться не удавалось. Максимум до половины шестого. В конечном итоге я оказывалась на кровати в спальне. Брезжил рассвет, приходило завтра, и я закрывала глаза, сдаваясь будущему. Оно неумолимо вступало в свои права.

На второй месяц без сна я открыла аптечку. Мой взгляд упал на флакон обезболивающего. В прошлом году таблетки выписали Джастину, после травмы спины. Викодин ему не понравился. Он вызывал заторможенность, и на работе это становилось проблемой. Запор тоже был ненамного приятнее, как выразился Джастин.

Но если ночными бдениями будущее не отогнать, наркотик мог бы сгладить углы и придать блеска настоящему. Было уже все равно, где спит муж и почему дочь замуровалась у себя. Плевать, что дом слишком большой, кровать велика и ты одинока.

Обезболивающее по рецепту врача.

Пусть временно, но оно действовало.

Глава 9

В кабинете на третьем этаже за компьютером сидел детектив. Тесса его сразу узнала: последний из группы Диди. Постарше остальных, грузный, отец четверых детей. Кажется, его звали Филип. Точно. В Тот День он тоже был у нее. Впрочем, как и половина полицейских Бостона и Массачусетса.

Видимо, и он узнал гостью, потому что моментально напустил вид сверхзанятого суперспециалиста.

В ответ на такой прием Тесса решила не церемониться.

– Моя очередь, – заявила она и направилась к компьютеру.

Не удостоив ее взглядом, Филип повернулся к своим коллегам.

– Все нормально, – сказал Нил. – «Денби констракшн» владеет домом и наняла ее оценить ситуацию.

На лбу Филипа запульсировала жилка. Он ясно понял, что к чему. Если компания Джастина – собственник дома, то теоретически ей принадлежит все внутри, включая компьютер, в который Филип залез без разрешения.

– Заявят о пропаже семьи? – сухо поинтересовался Филип.

– Судя по тому, что я здесь увидела, наверняка.

Еще одни бюрократические препоны. Чтобы полиция открыла дело и начала поиск пропавших, заявление должна подать третья сторона, но не раньше суток после исчезновения. А пока следственная группа Диди могла официально работать лишь на месте вызова.

– На связь выходили? – озадаченно спросил Филип.

– Семья – нет.

– А похитители?

– Тоже.

Жилка на лбу Филипа снова запульсировала. Как и его коллеги, он знал, что молчание – плохой признак. В случаях с выкупом заложников держали живыми. Но если никто не требовал денег...

– Что-нибудь нашли? – Тесса показала на компьютер, за которым все еще сидел Филип.

– Я проверял интернет-браузер. Чаще всего заходили на «Дом и сад», «Фейсбук» и новостные сайты. Думаю, самое интересное – в айпэдах. На этом компьютере почти не работали. Очевидно, пользовались личными устройствами.

Логично, подумала Тесса.

– Можно? – Она кивнула на клавиатуру.

Филип нехотя уступил место. Тесса достала из внутреннего кармана пальто блокнот, проверила название и производителя программы, просмотрела ярлыки на рабочем столе и нашла нужный.

– У Джастина Денби осенью появилась новая игрушка, – объяснила она, щелкая ярлык. – Ребята с работы подарили. В шутку, но ему понравилось. Дело в том, что их объекты – тюрьмы, больницы, гидроэлектростанции – занимают большие территории. А Джастин любит все проверять сам. Иногда его не доищешься, особенно за городом, где мобильный не ловит. – Она прокрутила инструкции, появившиеся на экране. – Поэтому ему подарили куртку.

– Куртку? – недоуменно переспросила Диди.

– С маячком, – догадался Нил. – Ему подарили туристическую куртку с джи-пи-эс-маячком.

– Совершенно верно. Причем не какую-то, а отличную, дорогую. Джастин всегда ходит в ней. Может быть, и в ресторан тоже ее надел.

– «Скампо» – приличное место, – заметила Диди.

– Он вполне мог пойти туда в синей куртке с коричневой кожаной оторочкой. Говорят, он из рабочих ботинок не вылезал. Чем хуже элегантная туристическая куртка?

Все притихли, глядя, как пальцы Тессы летают над клавишами.

– Маяк вшит под подкладку сзади, – пояснила она. – Извлекается через специальный разрез для перезарядки батареи. Ее хватает на пятнадцать часов.

– А включать его нужно или он постоянно работает? – поинтересовалась Диди.

– Этот маяк – нужно. Одним из двух способов, как тут написано. Либо вручную, перед началом похода или, скажем, рабочего дня; либо удаленно, с помощью этой программы. Ее, кстати, можно установить на смартфон, что гениально: превращает любой мобильный в цифровую ищейку, – сказала Тесса, стуча по клавиатуре. – Найти Джастина Денби.

На экране открылась карта. Тесса внимательно ее изучила, но ничего не увидела.

– А сейчас маяк работает? – Диди встала позади Тессы и нетерпеливо вглядывалась в монитор.

– На территории США чисто. Надо полагать, Джастин его не включил.

Нил посмотрел на Тессу.

– Так включите сами и запеленгуйте.

– Я уж думала, вы никогда не попросите.

Она навела курсор на зеленый значок в нижнем правом углу меню. Высветилось «Активировать». Как кнопка для приведения в действие бомбы. Или для спасения пропавшей семьи.

Тесса щелкнула мышью. Карта начала увеличиваться и смещаться влево, пока от США не осталось восточное побережье. На севере вдруг замигала красная точка.

– Обалдеть.

Что-то пикнуло. Подняв глаза, Тесса увидела, как Филип устанавливает таймер на наручных часах.

– Заряд батарейки, – напомнил он.

– Угу.

– Приближай, приближай, приближай, – торопила Диди, хлопая Тессу по плечу. Та, сидя перед самым монитором, уже определила место, но сделала, о чем просили, чтобы бостонским детективам было лучше видно.

Восточное побережье сузилось до Новой Англии. Перед их глазами увеличился Массачусетс. Потом Нью-Гэмпшир. Окно обзора переместилось через границу штатов в центр Нью-Гэмпшира. Именно оттуда и подмигивал GPS-маяк из чудо-куртки Джастина Денби.

Тесса отклонилась от компьютера и повернулась к Диди.

– Если его похитили в этой куртке, он за пределами штата Массачусетс...

– Я с самого начала была права.

– Дело не твое, – согласилась Тесса.

– Чертовы федералы, – лаконично заключил Нил.

* * *

Бостонские детективы не собирались покидать место преступления.

Юрисдикция определяла пределы компетенции и подведомственность суда. Как правило, федеральный закон предусматривал более тяжелые наказания, чем закон штата. Другими словами, федеральная прокуратура обошлась бы с похитителями жестче, чем прокуратура округа Саффолк.

И так как все хотели отдать преступников на самый суровый суд, прокуратура округа Саффолк уведомила бы управление федеральной прокуратуры по округу Массачусетс, что

преступники, скорее всего, пересекли границу штата. Управление федеральной прокуратуры, в свою очередь, связалось бы со своим бюро расследований. На этом этапе агенты ФБР могли прибыть в особняк Денби уже минут через десять, если на машинах, и через двадцать, если пешком.

Местные фэбээровцы не стали бы требовать, чтобы бостонские детективы свернули операцию и убралась восвояси. Они вежливо, но твердо попросили бы перенаправить из бостонского управления полиции в федеральную криминалистическую лабораторию собранные вещественные доказательства – образцы мочи и рвотной массы, конфетти от тазера и снимки черных следов. Затем сформировали бы межюрисдикционную оперативную группу под руководством ФБР, отведя бостонским полицейским роль посыльных.

Нил заворчал, Диди и Филип философски вздохнули. Тесса заняла нейтральную позицию. С кем бы ни пришлось сотрудничать, Тесса обязана найти семью Денби. Впрочем, ясно, что федералы покруче вечно недовольной Диди и делятся своей песочницей еще неохотнее, чем бостонцы.

Встав из-за компьютера, Тесса в последний раз прошлась по этажу. Остальные взялись за работу. Диди выслушивала доклады патрульных, Филип опрашивал местных, а Нил говорил по телефону. Пока они были заняты, Тесса зашла на кухню, включила все три мобильных телефона и переписала номера из избранных контактов. Она могла бы, конечно, воспользоваться служебными каналами, но так было быстрее.

Когда бостонские полицейские вернулись, все собрались вокруг личных вещей семьи и начали подводить итоги. Тесса отдала должное новоиспеченному ведущему следователю: за короткое время успели многое.

Опросили соседей и обзвонили родных и близких. Никого из Денби никто не видел. То же самое сказали в ближайших магазинах, районных больницах и других учреждениях. Автомобиль Джастина Денби обнаружили в четырех кварталах внизу по улице. «Мерседес» Либби по-прежнему стоял в гараже. Предположительно вся наличность, кредитные и дебетовые карты семьи лежали на обеденном столе. По словам сотрудников местного банка, никаких операций со счетами Денби не проводилось с 16:00 пятницы, когда двести пятьдесят долларов сняли через банкомат на Копли-сквер (видео с камеры наблюдения пока не доставили). Также не было зарегистрировано никаких исходящих звонков и текстовых сообщений с номеров Денби после 22:00 пятницы.

Семья отсутствовала уже четырнадцать часов. Единственной зацепкой следствия была куртка Джастина Денби, сигнал от которой поступал из нью-гэмпширских лесов.

Нил Кэп достал мобильный, открыл карту Нью-Гэмпшира и сопоставил координаты GPS-маяка с расположением ближайшего полицейского участка. Тесса не ожидала от детектива таких решительных действий. Не спрашивая разрешения ФБР, он сделал, возможно, последний, но эффективный шаг в качестве ведущего следователя: позвонил нью-гэмпширскому шерифу, быстро ввел его в курс дела и попросил проверить местность, откуда шел сигнал. Федералам такой перехват инициативы точно бы не понравился.

Тесса решила, что самое время уйти.

Все, что нужно, она увидела. Особняк Денби контролировала бостонская полиция. На севере к предполагаемому местонахождению жертв направились местные копы. Ей туда ехать не резон. Оставалось ответить на главный вопрос: у кого был мотив похитить или причинить вред этой семье?

И не пора ли поближе познакомиться с новым клиентом – «Денби констракшн»?

Глава 10

Уайетт Фостер был копом и по совместительству столяром. Или столяром – и по совместительству копом. Он и сам не знал. Во время постоянных бюджетных кризисов в северном Нью-Гэмпшире за охрану правопорядка платили так, что для большинства полицейских вторая работа стала необходимостью. Кто-то шел в спортивные судьи, кто-то по выходным заправлял барной стойкой, а он столярничал.

В то ноябрьское субботнее утро стояла солнечная морозная погода. Уайетт разглядывал старые сосновые доски, которые когда-то были соседским сараем, и думал, что бы из них сделать: простые книжные полки или кухонный стол со скамейками? А может, буфет? За них давали неплохие деньги. Да, вот на буфет и пустить дерево, решил он и уже потянулся за первой доской, когда загудел пейджер.

Уайетту было слегка за сорок, и его коротко стриженные каштановые волосы пестрели сединой. В окружном управлении шерифа он служил последние двадцать лет. Сначала в качестве помощника, потом детектива, а теперь – сержанта, руководящего следственным отделом. Лучшим в должности сержанта был график: с понедельника по пятницу, с восьми до четырех. Хотя какой-то порядок на работе, где никогда не знаешь, чего ждать.

Разумеется, как и все окружные полицейские, он пару раз в неделю выходил на ночное дежурство. Даже в нью-гэмпширской глухомани было с чем разбираться: наркотики, пьянство, бытовое насилие, растрата. В последнее время, к сожалению, участились убийства. Одного зарубили топором. Другой свел счеты с начальством, прихватив на фабрику арбалет. Еще несколько смертей было по вине водителей, в том числе одной восьмидесятилетней старушки, которая клялась, что нечаянно переехала своего восьмидесятипятилетнего мужа. Все три раза. Выяснилось, что он изменял ей с семидесятилетней соседкой. «Флюха», – заявила жена, забывшая вставить зубы перед «нечаянным» убийством.

В общем, скучать не приходилось, и Уайетт был доволен. Спокойный по натуре, он любил головоломки и справедливость. Вдобавок ему нравилось работать с людьми: допрашивать, арестовывать. Люди не переставали удивлять. Он с радостью шел на службу и с радостью возвращался домой – мастерить буфеты, комоды и шкафы. Каждое занятие было интересным по-своему и давало ощутимые результаты.

Сейчас Уайетт проверил пейджер, с легким вздохом засунул его обратно и взял мобильный. Пропавшая семья. Чудо-куртка со вшитым GPS-маяком. Сигнал, зарегистрированный в шестидесяти километрах к югу. Местность ему была знакома: сплошные леса, и ни души.

Уайетт кое-что уточнил по телефону и набросал план дальнейших действий.

Буфет отменяется. Нужно собирать группу и отправляться на охоту.

* * *

В первый рабочий день Уайетта шериф обрисовал ему их «владения». Грубо говоря, Нью-Гэмпшир делился на две части: та, что к югу от Конкорда, и та, что к северу от него. Южный Нью-Гэмпшир служил пригородом Бостона. Он был облеплен домами в стиле «ранчо», выстроенными в пятидесятые годы, где обретался рабочий класс, и махинами особняков, возведенных в девяностые бостонской элитой. В небольшом, но густонаселенном районе полиция работала не покладая рук. Подкрепление там всегда было в паре минут езды, и каждое отделение могло похвастаться своими собственными, причем новейшими, криминалистическими средствами.

Северный Нью-Гэмпшир разительно отличался. Оставшаяся треть населения штата здесь была разбросана на оставшихся двух третях земли. Деревеньки вообще обходились без своей полиции, а населенные пункты побольше со всеми окрестными лесами и береговыми линиями могли охраняться всего одним патрульным. Подкрепления дожидались добрых полчаса, если не час. И не дай бог, если дело требовало сложной экспертизы. Приходилось заимствовать инструментарий у соседнего отделения, а то и у нескольких.

В сравнении с городскими полицейскими южного Нью-Гэмпшира ребята на севере напоминали ковбоев с Дикого Запада. Городские копы патрулировали группами и могли за всю жизнь не воспользоваться оружием, а «ковбои» с севера в одиночку разруливали перестрелки и не раз спускали курок. Самому Уайетту пришлось схватиться за пистолет после первых четырех часов работы. Едва он прибыл улаживать бытовой конфликт, какой-то обкуренный парень кинулся на него с ножами. От неожиданности Уайетт растерялся и сначала пнул нападавшего под дых. Только потом вспомнил, что он коп и на нем служебный ремень с тазером, газовым баллончиком и полуавтоматическим «ЗИГ-Зауэром Р229», модифицированным под патроны калибра .357.

Обкурыш, под действием наркоты не чувствовавший боли, быстро выпрямился, но Уайетт пришел в себя и направил на него оружие. Парень глянул в дуло, мгновенно протрезвел и бросил ножи. Когда спустя тридцать минут прибыла подмога, он уже сидел в наручниках в патрульной машине вместе со своим обкуренным братцем, который пытался уйти через заднюю дверь. Свидетельница – хозяйка дома и мать арестованных – была опрошена и заявила, что видеть больше не хочет этих бездарей: они задолжали ей двадцать баксов или пакетик травки – пусть сами решают, как отдавать.

Определенно, в глубинке Нью-Гэмпшира было чем заняться.

* * *

Разумеется, от помощника шерифа требовалось не только умение владеть пистолетом. Он должен был выписывать ордера на обыск и даже на арест. Не гнать же сотню километров до ближайшего суда, подарив подозреваемому время, чтобы скрыться или замести следы. Новички в управлении шерифа сначала дурели от таких полномочий, но потом понимали, какая вместе с ними сваливалась ответственность: чтобы подписывать официальные документы, нужно знать тонкости закона. Состряпать ордер – дело нехитрое, но если потом судья его пересмотрит и найдет какую-нибудь ошибку, все псу под хвост и винить, кроме себя, некого. Поэтому вперемешку с книгами по столярному делу Уайетт почитывал юридические журналы.

Однако главное преимущество было в том, что управления шерифа ведали всем штатом. Даже полиция Нью-Гэмпшира не имела права без специального разрешения патрулировать в тех или иных округах. Уайетт же мог разъезжать повсюду, выполняя служебный долг и демонстрируя юридическую грамотность. И хотя основным жителям его района – медведям и лосям – было плевать, Уайетт не без радости осознавал свою власть, осведомленность и широту подконтрольных ему территорий.

С такими мыслями он засыпал спокойно. Если, конечно, его не вызывали по пейджеру.

Сейчас Уайетт направился в управление. Обычно он все улаживал, не выходя из машины, особенно если дело было срочное, но его навигатор мог довести только до ближайшей дороги. А учитывая классический сценарий с похищением, преступники, скорее всего, выбрали труднодоступное место. Возможно, в лесной глуши. Следовательно, требовались портативный GPS-трекер, два детектива и пара патрульных.

В управлении Уайетта уже дожидались трое мужчин и одна женщина. Все были готовы к выходу.

Уайетт кратко изложил ситуацию: семья из Бостона отсутствует с десяти вечера прошлого дня, в их доме обнаружены следы борьбы, главная зацепка – GPS-маяк, вшитый в куртку мужа. Батарейки хватит еще часов на тринадцать.

Для начала Уайетт ввел полученные координаты в настольный компьютер. Остальные собрались вокруг монитора. Как и серийные убийцы, хорошие следователи не пренебрегали поисковыми возможностями Интернета. Несколько щелчков мышью, и карта превратилась в снимок со спутника. Увеличив изображение, Уайетт увидел лесную дорогу и большую стояночную площадку около ветхой постройки. Введенные координаты оказались точкой в лесу сразу позади стоянки.

– По-моему, это старая закусочная Стэнли, – сказал Уайетт.

– Она самая, – уверенно подтвердила Джина, новенькая помощница шерифа. – Я на днях проезжала мимо. Там все заколочено.

– Неплохое укрытие для заложников, – заметил Джефф, пятидесятилетний отец двоих детей и один из лучших детективов в округе, специализирующийся на финансовых преступлениях. – Изолировано, но рядом с дорогой. Жилых домов поблизости почти нет.

– Почему тогда сигнал идет не из здания? – усомнилась Джина.

Уайетту нравилось, что она спорила. Новичку, особенно женщине, нелегко заставить себя высказаться, а Джина не стеснялась.

– Погрешность плюс-минус тридцать метров, – ответил Джефф. – Вполне может идти оттуда.

Джина заложила большие пальцы за служебный ремень и согласно кивнула.

– Значит, так, – начал Уайетт. – Я вижу три варианта. Мы находим только куртку. Или находим куртку и кого-то из похищенных, возможно, мертвого. Или находим куртку, троих похищенных и как минимум четверых похитителей, живых и здоровых. Получается семь человек в одном месте. А нас пятеро. Давайте обсудим стратегию.

Он посмотрел на Кевина – второго детектива, который пока не сказал ни слова. Кевин прошел курсы по насилию на рабочем месте и переговорам с захватчиками. Ребята прозвали его Мозгом, но не за вид тощего интеллигента, а потому что он очень любил учиться. Последние положения закона, новости криминалистики – Кевин знал все. Еще он помнил хоккейную статистику по каждому игроку и команде за несколько лет. А вот с пятничными свиданиями у него обычно не ладилось.

– Действуем в соответствии с кодом один: подъезжаем тихо, без сирен и огней, и осматриваемся, чтобы не спугнуть похитителей, – предложил он.

– А кортеж из пяти патрульных машин будет смотреться подозрительно? – шутливо спросил Уайетт.

– Можем поехать на двух. Немного потеснимся, – сказал Джефф.

Джина была другого мнения.

– Нас это выдаст. Две машины вдруг сворачивают на заброшенную стоянку...

– Одна сворачивает, а другая проезжает мимо, – поправил Кевин, – а чуть дальше тормозит, и полицейские возвращаются к стоянке пешком. Первый водитель остановился как бы случайно – посмотреть карту, размять ноги или вроде того. А если к нему посадить Джину, будет вообще казаться, что парочка решила передохнуть. На месте сориентируемся.

Уайетту план понравился. Остальные тоже согласились.

– Жилеты все надели? – спросил он напоследок.

Уайетт достал портативный GPS-трекер, включил его и вбил координаты.

Можно было выезжать.

* * *

Когда-то у Уайетта была жена. Стейси Купески. Красавица с мелодичным смехом, в который он сначала и влюбился. Услышал на другом конце битком набитого бара и понял, что именно этот смех нужен ему как воздух. Повстречавшись с полгода, Уайетт и Стейси расписались. У Стейси был элитный бутик женских аксессуаров и побрякушек, а график удачно совпадал с полицейским: она стояла за прилавком по выходным и праздникам, как раз когда у Уайетта зашкаливали вызовы.

Только последнее стало проблемой. Оба пропадали на работе и виделись обычно в понедельник вечером, когда Стейси хотелось «развезаться», а у Уайетта на уме была одна лакировка дерева. Так они продержались полтора года. Потом Стейси стала «развеиваться» с мужем одной из своих постоянных покупательниц. Та в ярости устроила погром в бутике, неверный муж добился охранного ордера, а Уайетт развелся. Оказалось, в личной жизни драма не так увлекательна, как на службе.

Более того, Уайетт понял, что не особо разочаровался. И это было как-то неправильно. Ведь если жена спит с другим, следует хотя бы расстроиться. В любом случае они со Стейси остались друзьями. В основном потому, что Уайетту было все равно.

Единственное, о чем он жалел: у него не было детей. Не от бывшей жены, нет. Со Стейси ничего путного не вышло бы. Уайетт просто хотел ребенка. Мальчика, девочку – неважно, лишь бы рядом было существо, для которого он бы строил домики на деревьях и подбрасывал мяч. Маленькая копия его самого. Малыш, которого нужно учить жить, пока он не подрастет и не заявит: «Ты меня не понимаешь!» Но даже к подростковому бунту Уайетт был готов. Без него никак. Так уж устроен мир.

Однако Уайетт решил, что для своих детей возраст уже не тот, поэтому возился с соседскими: помогал им мастерить часы, шкатулки, а как-то и до пиратского сундука дело дошло. Приятные субботние занятия. Ребятишки с гордостью смотрели на результаты своего труда, а Уайетт радовался, что ему есть что передать, помимо следовательских премудростей.

Мать уговаривала его завести какую-нибудь живность, пусть даже старую собаку из приюта. Ему сам бог велел, говорила она, подразумевая, что Уайетт почти как монах-отшельник.

Ничего, сходит он еще на свидание. Только прежде надо закончить буфет. А сегодня – спасти пропавшую семью из Бостона.

Вот и старая закусочная. Уайетт с Джиной, вызвавшиеся играть роль парочки, ехали первыми. Не самая идеальная операция под прикрытием. Даже без опознавательных знаков машина выглядела полицейской, а двое внутри были в униформе. Правда, они сняли шляпы и выше плеч смахивали на гражданских.

Уайетт спокойно сбавил скорость и включил поворотник. На стоянке никого не было. Как и сказала Джина, закусочную давно заколотили. Чтобы не торопить события, Уайетт забыл пока про GPS-сигнал и, заехав с левой стороны, глянул за здание. Тоже ничего. Ни открытой двери, ни разбитого окна.

Он сделал широкий круг, словно разворачиваясь обратно на дорогу.

– Пятнадцать метров к северу, – тихо сказала Джина, смотревшая на портативный трекер у нее на коленях.

Уайетт повернул голову и увидел стену деревьев с высоким подлеском. Еще он заметил упирающийся в эту стену след шин, свежий и четкий. Параллельно шел второй след, показывающий, где автомобиль сдал назад, к дороге.

– Черт, – буркнул он.

Джина подняла на него глаза.

– Они здесь были. Останавливались у опушки леса, – объяснил Уайетт и замолк, будто боялся продолжить. Может, куртку выбросили... Скорее всего, тело в этой самой куртке.

Джина без лишних слов нахлобучила шляпу. Уайетт взял рацию и доложил обстановку ребятам во второй машине. Кевин сказал, что они подойдут пешком минут через пять.

Значит, отъехали не так далеко, подумал Уайетт. Между тем здесь все было кончено. Он это чувствовал. Отпечатки шин. Зброшенное здание. Все просто и очевидно.

Они с Джинной одновременно вышли из салона и замерли за открытыми дверцами – мало ли. Но вокруг ничего не шелохнулось, никто не выстрелил и не выскочил из заколоченной закуской. Можно было продолжать.

Уайетт достал цифровую видеокамеру. Джина сверилась с трекером.

– Постарайся не наступать на следы, – предупредил Уайетт. – Здесь еще федералам работать. Не хочу, чтобы нам головы поотрывали.

Джина понимающе кивнула.

Она была спокойна, на лице ни тени волнения, однако GPS-трекер в руках слегка дрожал. Адреналин, подумал Уайетт, вряд ли страх. У него самого сильнее забилося сердце перед встречей с «известным неизвестным»: что-то или кто-то ждал их за деревьями.

Уайетт осторожно двинулся вперед. Джина пошла в двух шагах сзади, стараясь не маячить из-за его спины. Выставить одну живую мишень – уже рискованно, а две – просто глупо.

Под ярким солнцем ветер теребил кусты и раскачивал деревья. Чирикали птицы. Мимо по дороге промчалась машина.

– Пять метров, – полусшепотом сказала Джина.

Уайетт приготовился и, не вынимая пистолета из кобуры, положил на него руку.

– Три метра.

Наконец он увидел то, что они искали. В треkere нужды больше не было.

На ветвях кустарника темнел кусок материи. Слава богу, не труп, просто мятая тряпка, брошенная в лес.

Он убрал руку с пистолета и, озадаченный, подошел нормальным шагом. Джина, увидев синий обрезок, опустила трекер и сообщила остальным по рации.

Они остановились, разглядывая находку, висевшую в зарослях на уровне пояса.

– Не густо, – сказала Джина, – Даже не вся куртка.

Уайетт натянул перчатки и осторожно поднял лоскут. Хорошее качество, подумал он. Современные технологии. В горах в такой куртке не замерзнешь и не промокнешь. Еще и выглядеть будешь шикарно. Наверняка недешевая, как раз по карману богачу из Бостона.

В нижней части лоскута Уайетт нащупал тонкий плоский корпус GPS-устройства, затем осмотрел рвано-резаный край ткани. Кевин с Джеффом и еще одним помощником шерифа прошли через стоянку и направились к Уайетту и Джине.

– Похитители догадались, – сказал сержант, поразмыслив с минуту, и снова оглядел место происшествия. – Может, Джастин выдал себя, или они сами поняли при осмотре. Маяк вырезали – похоже, ножом с зазубренным лезвием – и швырнули сюда.

– А зачем вырезать? – в недоумении спросила Джина. – Почему не всю куртку?

Уайетт задумался.

– Денби связаны, – сообразил он. – По рукам уж точно. Чтобы снять куртку, Джастина пришлось бы освободить, а он не слабак. Сил немерено. Видимо, похитители не хотели рисковать. Гораздо быстрее и легче избавиться от самого устройства.

Профессиональное любопытство не давало Уайетту покоя. Он переворачивал обрезок, выискивая следы крови. Как истинный ньюгэмпширец, сержант представил себе охотничий нож, лезвие, рассекающее синюю материю. Два разреза по бокам, один поперек. Чик, чик, чик. Крови на отрезанном лоскуте не было. Значит, работали быстро, уверенно и хладно-

кровно. Похитители поняли, что дали маху, но не запаниковали, а исправили ситуацию. Так спокойно, оперативно и умно, что становилось не по себе.

Уайетт вернулся к отпечаткам шин. Не такие широкие, как у местных навороченных внедорожников, и без глубоких канавок зимней резины, на которую скоро должны были перейти грузовики. Самые обычные шины, как у легковушки. Но у преступников наверняка фургон: нужно же где-то разместить как минимум семерых.

Итак, фургон. Они здесь остановились ночью. Почему? Специально из-за GPS-маяка? Нет, вряд ли Джастин рассказал про него. Куртка была единственным шансом на спасение. Значит, дело было не в куртке. О ней узнали потом. Похитители сделали привал, чтобы справиться нужду, отоспаться или сориентироваться по навигатору или карте. Тут и днем-то тихо, а ночью подавно. Можно было спокойно связать «груз» получше, обыскать, допросить. Передать?

Уайетт задумался и взглянул на Кевина.

– По-моему, следы одного автомобиля. А ты как считаешь? – спросил он.

Детектив неторопливо обошел стоянку и осмотрелся.

– Да, одна машина, – согласился он.

– Что насчет обуви?

Кевин принялся изучать грунт. Остальные прочесывали кусты в округе. Не факт, что избавились только от обрезка куртки. Если лоскут бросили на самом виду на опушке, не значит, что дальше в лесу ничего не было.

– Ну, кое-какие отпечатки видно, – наконец отозвался Кевин, присевший к земле. – Вот здесь между следами шин кто-то топтался.

– Думаю, у них фургон человек на семь, – поделился своими соображениями Уайетт.

– Логично. Остановились у леса. По крайней мере, один из них вылез, подошел к задним дверцам и некоторое время там провозился. Но отдельный протектор выделить сложно. Грунт слишком плотный.

– То есть один или несколько человек вышли, – подхватил его мысль Уайетт, – и проверили связанных сзади заложников.

Кевин пожал плечами. На данном этапе никто этого подтвердить не мог.

– Потом обнаружили маячок, – продолжил Уайетт, – искромсали куртку, выкинули устройство в лес и отправились дальше.

– На север, – добавил Кевин, вставая и показывая направление следов на выезде со стоянки.

– Не исключено.

Уайетт опять глянул на синий лоскут и перешел к следующей загадке.

– Зачем они выбросили маяк? Его же можно отследить. Почему не сломали?

– Может, не знали как? Или им было все равно, если полиция сюда доберется. – Кевин ткнул в сторону заброшенного здания. – Наверное, конечный пункт далеко.

– Предположим все-таки, что они в Нью-Гэмпшире, – мягко сказал Уайетт.

– Были в Нью-Гэмпшире. И если двигались на север, то сейчас уже в Канаде. А может, свернули в Мэн или в Вермонт.

Уайетт не согласился. На месте похитителей он бы разбил устройство. Много ума для этого не надо. Один удар молотком или камнем – и готово. Зачем оставлять путеводную нить, если ее можно уничтожить? Тем более такую, которая доказывала, что преступники пересекли границу штата. Глупо подставляться федералам. Уайетту не верилось, что похитители настолько близоруки. Вряд ли группа недотеп смогла бы так согласованно и быстро выкрасть целую семью из центра Бостона.

Значит, все наоборот? Похитители настолько опытные, что не верили в провал, даже если бы полиция их выследила. Они действовали по плану, который не пострадал бы из-за обнаружения GPS-маяка в трех часах езды от места похищения.

От этой мысли Уайетту стало не по себе – впрочем, как и от холодного расчета и ювелирной точности, с которой изрезали дорожную куртку, не пролив ни капли крови.

Кевин изучал отпечатки на земле.

– Судя по маячку, пропавшая семья здесь была. Вопрос в том, где они сейчас.

Оба посмотрели на север, куда уходили следы шин.

В это время года в Нью-Гэмпшире были сотни закрытых кемпингов, заколоченных коттеджей и горных приютов. И чем дальше на север, тем меньше чужих глаз.

Кевин был прав. Похитителей не тревожило, что обрезок куртки вычислят в центральном Нью-Гэмпшире. Отыскать кого-то в безлюдном горном захолустье практически невозможно...

Да, владения Уайетта были велики, а власть – почти безгранична.

Он повернулся к двум детективам и двум помощникам шерифа.

– В общем, так. Кевин, свяжись с прессой. Пусть дадут описание семьи. Преступникам нужны бензин и еда, поэтому объявления следует разместить на заправках, в придорожных кафе и забегаловках. Джефф, займись автомобилем, передай ориентировку на любой подозрительный фургон. Пока работаешь над этим, запроси видео с дорожных постов в Портс-муте. Остальные, собирайте людей. Через три часа стемнеет. Надо поторапливаться.

– Есть надежда, что похищенные живы, – сказала Джина, – раз трупов мы не нашли.

– Надежда есть, – проговорил Уайетт. – Пока.

Глава 11

- Разбуди ее.
- Она не просыпается!
- А в чем дело? Перегнул со снотворным?
- Да нет...
- Так разбуди ее!
- Я... черт!

Боль. Внезапная и всепоглощающая. На секунду я зависла над пропастью, а потом живот скрутило, и я резко села. К горлу подступала рвота. Я попыталась перевернуться, но неуклюже завалилась. Руки и плечи горели... и почему-то были словно парализованы. Рвотные позывы усиливались. Машина, вдруг поняла я. Меня тошнило в кузове машины. Инстинктивно я повернула голову навстречу свежему воздуху и перекатилась к открытым дверцам. Перед глазами оказались задний бампер, черные кроссовки и асфальт.

И тут я запаниковала... Лента. Мой рот был заклеен липкой лентой. О господи! Я захлебнусь собственной рвотой. Желудок опять сократился, и я остервенело забилась. Сжав челюсти, изо всех сил пыталась удержать желчь. Горло распирало, грудная клетка вот-вот разорвется.

Мужская рука метнулась к моему рту и резко отодрала ленту. Я вскрикнула.

Меня сразу же стошнило. По бамперу на асфальт потекла желтая водянистая слизь – шампанское и желчь. Мужчина грязно выругался и отскочил.

- Что с ней?
- Откуда я знаю? Блин, она уделала мне новые кроссовки!
- Это из-за снотворного?
- Вряд ли. Может, у нее шок. Да все что угодно: укачало, надышалась выхлопами... Сам подумай. Ее оглушили тазером, запихали в фургон и везли шестнадцать часов. Желудок тоже мог отреагировать.

Голоса на время утихли. Я открыла рот, думая, что меня опять вырвет, но было уже нечем. Мышцы сократились вхолостую. Сил больше не осталось, и я упала набок, заметив наконец прорезиненный коврик подо мной и синеву неба наверху. Горизонт был окантован спиралями колючей проволоки.

– Иди, – сказал чей-то голос.

Надо мной навис мужчина. Черный камуфляж. Широкие плечи. На гладко выбритой голове зеленая татуировка кобры, которая кольцами обвила шею и череп мужчины и обнажила клыки у его левого глаза. Я уставилась на змею, и на пугающее мгновение мне показалось, что чешуя шевельнулась.

Потом я вспомнила – громоздкая фигура у двери в передней, тазер, страшные конвульсии мужа, обжигающая боль в ноге... и крик дочери.

Я подскочила. Голова сразу закружилась, но мне было все равно. Эшлин!..

Руки связаны у пояса. Лодыжки тоже обездвижены, но это я поняла, только когда вывалилась из кузова и хлопнулась о землю так, что перехватило дыхание, а желудок снова начал сокращаться. Я пролежала на боку, пока спазмы не прекратились.

– Ее укачивает? – спросил мужчина с татуировкой. Скорее всего, он. Грозному лицу подошел бы такой грозный голос.

Послышался звук отдираемой от плоти липкой ленты. Надрывный всхлип.

– Нет... но бывает, – плаксиво и неуверенно ответила Эшлин. – Мама?

Армейские ботинки загремели по асфальту. Голова раскалывалась. Болело все: живот, спина, бедро. Хотелось свернуться калачиком и закрыть глаза, чтобы этот ужас закончился.

И опять провалиться в сон, но проснуться в своей постели, под тихий храп мужа, зная, что дочь у себя дальше по коридору.

Ради Эшлин я открыла глаза, собрала волю в кулак и повернулась. Впервые мне удалось оглядеться.

Мы были на какой-то подъездной дорожке, под навесом. Неподалеку стоял большой белый фургон с открытыми задними дверцами. За ним виднелось высоченное ограждение из завитков колючей проволоки. Я обомлела.

Дочь стояла рядом с самым маленьким из трех мужчин. Она ссутулилась и оборонительно опустила голову, прячась за занавесом русых волос. На ней была ее любимая домашняя одежда: флисовые пижамные штаны с рожками мороженого и голубой трикотажный топ. Сначала я испугалась за ее ноги, потому что она была без обуви, но потом заметила темный подтек на плече. Кровь? Неужели кровь? Моя дочь ранена и истекает кровью...

А Джастин? С ним что? Я завертела головой по сторонам и увидела подошвы его ботинок, выглядывающие из кузова фургона. Ноги были затянуты пластиковыми хомутами.

Мужчина с татуировкой повернулся к парню, рядом с которым стояла Эшлин.

– Присмотри за этой. – Он показал на меня, будто я, связанная, могла каким-то волшебным образом сбежать.

Мужчина подошел к кузову фургона. Там к нему присоединился второй, тоже в черном камуфляже и почти такой же громадный. Ежик его волос был окрашен в шахматную клетку. Вдвоем они подняли связанного Джастина и поставили на ноги. Муж тут же начал сопротивляться.

Татуированный отодрал липкую ленту с губ Джастина. Тот взревел и рванул головой вперед, пытаясь лбом ударить ближайшего противника.

В ответ татуированный отступил, достал тазер и выстрелил. Джастин повалился камнем. Его колотило, синяя куртка подрагивала. Он больше не ревел, как зверь, а выцеживал сквозь сжатые челюсти что-то нечленораздельное.

Я отвернулась, не в силах смотреть, как мучается муж.

Напротив плакала Эшлин.

Татуированный послал еще несколько импульсов. Решив, что Джастину хватит, он кивнул напарнику. Тот рывком вернул Джастина в вертикальное положение. Электроды все еще были на нем.

– А теперь слушаем меня внимательно, – прогремел мучитель моего мужа.

При звуке его голоса Эшлин, поджав нижнюю губу, заплакала еще сильнее.

Я зажмурилась. Слезы дочери были так же невыносимы, как и боль Джастина. Я представляла краски, цветы и расплавленные часы.

Во рту был вкус апельсинов и бисквитного торта с моего дня рождения.

– Можете называть меня Зед. Я ваш новый босс. Вы будете говорить и есть, когда я разрешу, и проживете столько, сколько я захочу. Как меня зовут?

Тишина. Спустя секунду я открыла глаза. Мужчина смотрел на меня в упор.

– Как меня зовут?! – рявкнул он мне.

– Зед, – слабо ответила я и, облизнув губы, хотела было повторить громче, но он уже отошел от меня.

Я попыталась привлечь внимание дочери, перехватить ее взгляд, будто от этого нам стало бы легче.

– Это Мик. – Татуированный показал на мужчину с черно-белыми волосами. – А это Радар, – представил он невысокого парня рядом с Эшлин. В отличие от здоровяков, паренек был не в черном камуфляже, а в джинсах и черных кроссовках, заляпанных рвотой. Он слегка склонил голову как бы в знак приветствия и тут же покраснел.

– А это ваш новый дом. – Зед повернулся вполоборота и, сияя от самодовольства, сделал широкий жест рукой.

Сияясь забыть про ноющую боль в теле, я оглянулась на здание, которое толком не рассмотрела. В этот раз стало ясно, что позади – комплекс четырехэтажных построек с узкими щелями окон, опоясанный колючей проволокой.

Странное здание: крошечные окна, неприступное ограждение... И тут до меня дошло – тюрьма.

Нас выкрали из дома и привезли в тюрьму. Только... здесь было как-то пугающе тихо, спокойно. Наверное, она заброшенная, и внутри никого.

– Я заплачу, – отчетливо сказал Джастин. – Любые деньги. Вдвое, втрое больше, чем вам обещали.

В ответ на предложение Зед нажал кнопку тазера. Муж опять выгнулся дугой и обнажил зубы в страшном оскале, который долго не сходил с лица. Он уже ничего не говорил, просто терпел.

Наконец Зед отпустил кнопку. Джастин обмяк и чуть не повалился на асфальт, но второй мужчина его поддержал.

– Говорить будете, когда я разрешу, – повторил Зед и уставился на безжизненное тело Джастина. – Я разрешил говорить?

Муж поднял голову. Его глаза налились гневом, на щеках заиграли желваки. Какой характер. Как я им восхищалась в самом начале. Проиграл, но не сдался. Побит, но не сломлен. Сейчас я молча просила его сдержаться, закрыть рот и не говорить ничего лишнего...

– Папа, – тихо позвала Эшлин.

Взгляд Джастина переменился. Ярость уступила место панике, и в следующий миг я поняла почему. Зед направился к нашей дочери.

– Не смей! – вырвалось у меня, и я попыталась перекатиться вперед, сделать что-нибудь. За спиной рычал Джастин. Я знала, что он отчаянно вырывался.

Слишком поздно. Зед приближался к Эшлин, осознавшей свою ошибку. Всклипы дочери превратились в истерические рыдания, и она прикрыла лицо связанными руками...

Парень выступил вперед, преградив Зеду путь.

– Эй, а там случайно не патрульная машина? – спросил он, ткнув куда-то пальцем, и все сразу зашевелились.

– Внутрь, живо, – скомандовал Зед. – Ты ведешь женщин. Ты – Денби.

Мик полоснул здоровенным ножом по хомутам на лодыжках Джастина и оттащил его к входу в здание.

Радар немного повозился с Эшлин, потом снял стяжки с моих ног и помог встать. Я хотела отблагодарить его взглядом за защиту дочери, но он, избегая моих глаз, взял нас обеих за локти и быстро отвел к дверям.

Сзади заработал двигатель. Наверное, фургон прячут, предположила я. Прикроют его где-нибудь снаружи, нас – в здании, и ищи-свищи потом.

За нами захлопнулись двери. Потом еще одни.

Парень со вторым громилой провели нас в большое пустынное помещение. Если мы в тюрьме, то это приемник. Белые шлакобетонные стены, тускло-желтый линолеум на полу. Впереди – что-то вроде командного поста с толстенными окнами по периметру.

Верхнее освещение включили только частично, поэтому в комнате был полумрак. И хорошо, иначе мы ослепли бы в окружении белоснежных стен.

Я опять попыталась украдкой посмотреть на дочь. Она стояла по другую руку Радара с опущенной головой. Волосы свисали на глаза, плечи дрожали. Зеда поблизости не было, но я не решалась заговорить. Только теперь я заметила, что на дочери нет ни золотых сере-

жек-колечек, которые она обычно носила, ни маленькой бриллиантовой подвески, подаренной отцом на тринадцать лет.

Спохватившись, я глянула на свои руки. Обручальное и свадебное кольца пропали. Воры проклятые, по-думала я, забыв о логике и обо всем, что с нами сделали. Дали лошадиную дозу снотворного и ограбили.

С запястья мужа исчез «ролекс». Я встретила взглядом с Джастином. Он печально смотрел на нас с Эшлин.

Если б это было возможно, я протянула бы ему руку.

Первый раз за последние полгода мне захотелось прикоснуться к мужу.

Но нам оставалось только молча стоять в ожидании очередного кошмара.

* * *

Вскоре шаги Зеда загрохотали в коридоре с противоположной стороны. Пока он отсутствовал, его сообщники не проронили ни слова. Похоже, так у них заведено: Зед отдавал приказы, остальные двое выполняли.

Парень в джинсах и черных кроссовках меня не беспокоил. Обычно он опускал голову и смущенно сутулился. Можно было подумать, что ему стыдно там находиться. А вот другой, с крашеными волосами, мне не нравился. Слишком возбужденными были его глаза. Слишком ярко-голубыми. Как у наркомана или сумасшедшего. Он сжимал руку Джастина так сильно, что белели костяшки пальцев, а на лице читался вызов: только попробуй.

Когда вернулся Зед, парень с крашеным громилой выпрямился, готовые выслушать новые указания. Я внутренне напряглась, призывая последние силы, но их не осталось.

Голова гудела. Живот не отпускало.

Мне бы мою сумку.

Господи, мне бы мои таблетки.

– Экскурсию не желаете? – насмешливо спросил Зед.

Никто из нас не ответил, потому что разрешения говорить не последовало.

– Это ультрасовременная тюрьма общего режима на тысячу двести мест, – решительно продолжил Зед. – Построена в прошлом году и, очень кстати для нас, поставлена на консервацию.

Я недоуменно посмотрела на «экскурсовода».

– Наглядный пример того, как работает наша налоговая система, – объяснил он. – За строительство тюрьмы отвечает одна рука, за открытие и эксплуатацию – другая. Попросту говоря, капиталовложения определяются законами об ассигнованиях, а операционные расходы – годовым федеральным бюджетом. Из-за дефицита последнего эту тюрьму так и не открыли. Дорогущее сооружение простаивает в горах Нью-Гэмпшира. Идеальный для нас вариант.

Он повернулся и зашагал по коридору туда, откуда пришел. Его командос потащили нас следом.

– К вашему сведению, восемьдесят процентов побегов совершаются заключенными не из камеры, а, скажем, по дороге на рабочее место или из лазарета, – продолжал Зед. – Это потому что в современной тюрьме из камеры сбежать невозможно даже чудом. Стены тридцатисантиметровой толщины из тяжелого шлакобетона высокой прочности. На окна мощные прутья из пилостойкой стали. Стекло тугоплавкое, баллистическое. – Он оглянулся на меня. – То есть, если в него выстрелить в упор из мелкокалиберного пистолета, оно треснет, но не разобьется. Стальные двери оборудованы электронными запорными устройствами. Вручную их не открыть. Всего на пути из здания семь замков. Первый – на двери камеры. Если справитесь с ним, окажетесь в ловушке закрытого общего зала. Он сообщается с проме-

жуточным блоком. Там придется преодолеть две двери, которые открываются только поочередно. Дальше запертый коридор, ведущий в главное крыло, и очередной промежуточный блок – еще две двери и два замка. Особо талантливых снаружи ждет двойное электризованное ограждение. Сетки пятиметровой высоты установлены параллельно, на расстоянии десяти метров друг от друга. Между ними семь спиралей колючей проволоки. Даже если вы умудритесь обесточить и перелезть все линии ограждения, то окажетесь посреди шестисот акров непроходимых лесов северного Нью-Гэмпшира. По ночам синоптики обещают минусовую температуру. И да, здесь водятся медведи и рыси.

Зед замолчал, и мы все резко остановились.

– Я что-нибудь упустил? – спросил он, повернувшись к моему мужу.

Джастин ничего не ответил. Я посмотрела на него, не понимая, что происходит. Они с Зедом мерились взглядами.

– Внутри гораздо удобнее, – сказал похититель, все еще сверля Джастина глазами. – По договору с подрядчиком здание полностью оснащено. Двухъярусные койки, игральные столы, передовое медицинское оборудование, стоматологический кабинет. Есть две столовые, включая отдельную кухню для приготовления пищи без аллергенов. Мы же не хотим, чтобы кто-то из заключенных умер от анафилаксии, правда? Комплекс рассчитан на два вида топлива: природный газ и горючее. Последнего здесь сто пятьдесят тысяч литров. Кроме того, имеются собственная водонапорная башня, канализация и электростанция. Автономии хоть отбавляй. Так что воду и свет не отключат и слив не перекроют. Тут можно отсиживаться годами, никто не узнает.

Зед по-прежнему не отводил взгляда от Джастина. Мой муж по-прежнему молчал.

Эшлин, стоявшая с другой стороны от Радара, вздрогнула.

– Я отслужил в армии восемь лет, – сказал Зед, – и о таких удобствах там даже не мечтал.

– Моя компания только что построила... – начал было муж.

– Я не разрешал говорить.

– Тогда не надо обращаться ко мне.

– Еще разряда захотелось?

– Валяй. Только скажи, какого черта тебе надо, и перестань терроризировать мою семью!

Мы с Эшлин отступили, прячась за скромной спиной Радара, который стоял как статуя.

Зед не шелохнулся. Он продолжал смотреть на моего мужа, словно что-то взвешивая. В его глазах не было агрессии – только анализ и оценка оппонента. Он еще успеет разобраться и с Джастином, и с нами, поняла я. Просто нужно было сделать все как следует.

– Послушайте, – прошептала я, – у нас есть деньги...

– Нас это не интересует.

– Это интересует всех и всегда, – фыркнул Джастин и повернулся к пособникам Зеда. – Вы уверены, что вам не нужна наличность? Я владею компанией с капиталом в сто миллионов. Сколько бы вам ни заплатили, я дам больше.

– Только отпустите дочь, – тихо добавила я.

Парень и бровью не повел. Крашеный громила недобро улыбнулся.

Эшлин опять вздрогнула.

– Девчонка остается, – заявил Зед. – Вы тоже, – он посмотрел на нас с мужем. – И я не буду объяснять, почему и на какой срок. Я тебя знаю, Джастин. Знаю, как ты мыслишь и как решаешь проблемы. Даже сейчас ты не паникуешь, а ждешь, когда все прояснится. Ты убежден, что знание – это сила. Разделять и властвовать без него не получится. А по нашим правилам играть гораздо интереснее. Самое веселье впереди.

Зед толкнул дверь позади себя. За ней оказалась кладовая, где на полках лежали аккуратные стопки оранжевого материала.

– Ваш новый гардероб, – объяснил он. – Одевайтесь. С этого момента вы – заключенные и живете здесь.

Глава 12

Бостонские детективы, фэбээровцы и другие стражи правопорядка обычно выходят на основной источник напрямую. Они являются в штаб-квартиру компании, сверкнув значками перед дежурным администратором, и выжимают из сотрудников всю информацию до последней капли.

Поскольку Тесса в рядах полиции больше не значилась, она действовала как частный сыщик: выяснила, кто был первым помощником Джастина, позвонила ему на личный номер и договорилась встретиться через двадцать минут в кафе подальше от офиса «Денби констракшн». Тесса решила, что он наверняка знает все подробности личной и рабочей жизни шефа и охотнее выложит их на нейтральной территории, где не встретит ни знакомых, ни коллег.

Крис Лопес уже ждал в «Старбаксе». Тесса узнала его сразу. Поза и одежда выдавали строителя с головой. На нем были старые джинсы, клетчатая рубашка с закатанными рукавами поверх белой футболки и потертые рабочие ботинки со следами грязи на толстой подошве. Черные волосы были острижены коротко, и из-под воротника виднелись кольца синей татуировки, говорившие о военном прошлом. Коренастый, с мускулистыми руками, Крис сидел, откинувшись на спинку деревянного стула и выставив ноги вперед.

Он оценивал вошедшую посетительницу так же откровенно, как и она его, что было неудивительно. Униформа видела униформу издалека. И если Тесса угадала в нем бывшего военного, то он уж точно угадал в ней бывшего копа. Внутренний радар подсказывал обоим держаться настороже.

Несмотря на субботний полдень, в «Старбаксе» сидело немало народа, заправляясь латте и выпечкой. Тесса, не торопясь, пересекла зал. Вряд ли ее звонок оторвал Криса от работы. Строители и военные вкалывали как проклятые, но и развлекались по полной. Скорее всего, она вытащила Криса из постели, где он отсыпался после пятничной ночи. А еще вероятней, из чьей-то постели. Поэтому на нем и была рабочая одежда и ботинки – больше надеть на непредвиденную встречу оказалось нечего.

Он не отводил взгляда, смотрел Тессе в глаза, и в уголках его губ играла улыбка. Смело, подумала Тесса, для того, кто еще пах духами другой женщины.

И в какой-то степени лестно. На таких, как Тесса, особого внимания не обращали. Обычно она держалась строго, готовая к подвоху, и избегала пустой болтовни. Кроме того, после событий двухлетней давности... Иногда утром она не узнавала себя в зеркале. Не было больше ни блеска в голубых глазах, ни тени радости на лице. В метро люди ее сторонились.

Тесса убеждала себя, что в крутом характере нет ничего плохого, однако бывали дни, когда хотелось быть волком. После смерти мужа она жила отстраненно. Если бы не любовь и компания дочери, Тесса чувствовала бы себя совсем одиноко, поэтому она была вдвойне благодарна Софи, но в то же время беспокоилась, что их замкнутый союз вреден для обеих. Софи должна вырасти и уйти своей дорогой, а Тесса – отпустить.

Она подошла к двухместному столику. В залитом солнцем кафе было жарко, пистолет остался в бардачке, так что она сняла пальто, неторопливо повесила его на спинку стула и села.

Ни один из них пока не сказал ни слова. Крис Лопес улыбнулся шире.

– Как ее зовут? – спросила наконец Тесса.

Улыбка исчезла с его лица.

– Кого?

– Женщину, с которой вы провели ночь. Или вы обходитесь без имен?

Крис помрачнел. Его веселости как ни бывало.

– Тесса Леони. Я по поводу семьи Денби.
– Раньше в полиции работали, – сказал Лопес несколько сердито и пожал протянутую руку. – Патрульным копом. Собственного мужа застрелили.
– По версии обвинения, – привычно поправила она.
– Чего больше не хватает? Униформы, ствола или уродливой машины?
– Беспроblemной парковки. Расскажите лучше, чем вы занимаетесь в «Денби констракшн».

Основные факты они предварительно обговорили по телефону. Лопес уже знал, что семья Джастина Денби пропала. На начальной стадии расследования с ним, без сомнения, связалось руководство компании или полиция. А может, и те и другие. Лопес заявил, что последний раз видел Джастина в пятницу на совещании. В три часа дня. С тех пор о нем ни слуху ни духу. В бостонском особняке шефа он не был уже несколько месяцев и столько же не общался с его женой и дочерью. Стройка на юге штата отнимала все свободное время.

Затеяв встречу, Тесса не надеялась, что Крис Лопес выведет ее на пропавшую семью. Этот разговор был следующим шагом в деле о похищении: предстояло составить психологический портрет жертвы. Кем был Джастин Денби? Кто мог пострадать, а кто выиграть от его исчезновения?

– Вы в строительном бизнесе ориентируетесь? – обратился к ней Лопес.

Тесса помотала головой, достала телефон и показала его собеседнику. Когда тот нехотя кивнул в знак согласия, она открыла программу для звукозаписи и положила телефон посередине стола.

– «Денби констракшн» – игрок крупный. Мы получаем проекты на десятки и даже сотни миллионов долларов. Тюрьмы, дома престарелых, казармы и так далее. Большие деньги, большие сроки и большие риски.

Тесса решила начать с самого начала. Она достала блокнот, развернула его горизонтально и подвинула к Лопесу. В полицейской академии такому методу никто никогда не учил, но на курсах корпоративной безопасности о нем рассказали в первый же день.

– Структура организации, – попросила она. – Основные фигуры.

Лопес закатил глаза, тем не менее взял предложенные блокнот и ручку. Наверху страницы он нарисовал первый прямоугольник. Джастин Денби, генеральный директор. Здесь все было ясно. Ниже появились еще три прямоугольника. Финансовый директор Рут Чан, директор по строительству Крис Лопес и директор по производственным вопросам Анита Беннетт. Последнее имя Тессе было знакомо. Именно Беннетт позвонила сегодня ее начальнику ни свет ни заря. Под директором по производственным вопросам Лопес нарисовал два прямоугольника поменьше. Руководитель ИТ-отдела Том Уилкинс и офисный администратор Летиция Ли.

– Мы с Анитой на пару отвечаем за всю производственную деятельность, – объяснил Лопес. – Она занимается текучкой, я – строительными проектами. Ей подчиняется администратор, мне – рабочие.

Очевидно, схема была закончена. Лопес отодвинул блокнот обратно.

– Для крупной компании структура скромная, – задумчиво сказала Тесса.

Он пожал плечами.

– Первое правило строительства – нанимай субподрядчиков. На серьезные проекты штатной рабочей силы не наберешься. А содержать ее во время простоев – непозволительная роскошь. Лучше сотрудничать. Представьте себе, что «Денби констракшн» – это голова многоножки. Мы получаем приглашение...

– Что?

– Приглашение на участие в строительном тендере. С него начинается любой крупный проект, особенно если он финансируется государством. Организация-устроитель тендера...

– Организация?

Лопес вздохнул, оперся локтями о крошечный столик и продолжил:

– К примеру, мы участвуем в тендере на стомиллионный проект по строительству барачков для военно-морского флота. Естественно, все идет через военные каналы. Проекты по больницам поступают от частных организаций или от властей штата. По тюрьмам – от местных или федеральных управлений тюремной службы.

– В основном вы занимаетесь госзаказами?

– Да. Есть фирмы, которые делают ставку на туристический сектор: отели, конференц-центры, казино. Мы берем работу посolidнее. – Лопес удовлетворенно усмехнулся.

– Почему?

– Потому что для этого нужны связи, и у Джастина они есть. Один из его козырей – умение располагать к себе людей. Когда конкурируешь с десятком других фирм за сверхприбыльный заказ, не мешает личное знакомство с сенатором из комитета по ассигнованиям. Как и домашний ужин с начальником управления тюремной службы. Некоторые фирмы даже лоббистов нанимают. Мы разъезжаем по крупным конференциям, находим нужных людей, а дальше действует Джастин.

– То есть вы знакомитесь с теми, кто выдает эти крупные заказы. Только в Новой Англии?

– Нет, мы строим по всей стране.

– Ясно. А сколько времени уходит на такие многомиллионные проекты?

– Сама стройка может занять пару лет, – объяснил Лопес. – Но с нашим правительством все сильно тормозится. Например, недавно мы сдали тюрьму, которую начали строить десять лет назад.

– Получается, вам дают проекты на сотни миллионов долларов, но строительство затягивается на годы. Большие деньги, большие риски, как вы сказали. С другой стороны, «Денби констракшн» существует уже два поколения – ее ведь отец Джастина открыл? Опыта вам не занимать.

– Да, в своем бизнесе мы не новички, – согласился Лопес, – однако на лаврах не почиваем. Унаследовав фирму, Джастин загорелся идеей расширения. Он понял, что в отрасли настал поворотный момент, когда мелкое мельчает, а крупное укрупняется. Мельчать ему не хотелось. Встал вопрос: как расширить строительную компанию без увеличения накладных расходов? У нас же отрасль цикличная – то бум, то спад. Если набрать больше кадров, вырастут затраты в период бума и снизится жизнеспособность в период спада. Поэтому Джастин выбрал модель многоножки: «Денби констракшн» выделяет лучших руководителей – управляющих, прорабов и так далее – для контроля и наладки каждого строительного процесса. Другими словами, мы даем генералов, а наши субподрядчики – солдат. Так мы обходимся без лишнего балласта и остаемся лидером отрасли.

– Выходит, вы эксперт по экспертам? – спросила Тесса. – Если вы лучший из лучших и управляете лучшими из лучших...

Лопес закатил глаза.

– Я не говорю, что я гений или весь из себя такой крутой. Могу, конечно, расписать все в красках, но если коротко, то масштабное строительство – это масштабные головные боли. Во-первых, чтобы довести до ума одну тендерную заявку, нужно набрать десяток субподрядчиков. Это очень похоже на политическую кампанию. Все стараются предстать в выгодном свете и дают самые большие обещания в надежде, что выберут их. А потом может оказаться, что какой-то субподрядчик так усердствовал в саморекламе, что не заметил важную мелочь в спецификации. Или перепутал цифры и допустил критический просчет. Большинство попытается уклониться от ответственности. Моя работа – три года спустя, когда стройка началась, заставить их выполнить обещания. Если повезет, ошибка обойдется субподрядчику в

десятки тысяч долларов, что не страшно, когда общий контракт на пятьдесят миллионов. Если не повезет, ошибка встанет в десятки миллионов, и субподрядчик будет терять деньги на проекте, который юридически обязан закончить. А я не дам ему увильнуть. Пригрожу судом или расправой. А как еще?

Тесса была под впечатлением.

– То есть в компании вы играете роль плохого копа. А Джастин – хорошего?

– Вроде того. Он решает оперативные задачи. Если субподрядчик прислал двадцать рабочих, а чтобы успеть в срок, нужно сорок, Джастин все уладит. Если электрики нарушили четыре основные нормы, он все выяснит. Если заказ хотят заморозить, он переговорит с кем надо, и проект наш. Джастин не просто умен, он мыслит практически. Под его руководством не только добиваешься результата, но и получаешь от этого удовольствие. Люди моего склада такое ценят.

– Люди вашего склада?

– Армейские рейнджеры, – ответил Лопес, пожав плечами.

– В штате много бывших военных?

– Можно и так сказать. – Он потянулся за блокнотом и начертил под своим именем четыре прямоугольника: главный архитектор, инженер-проектировщик, инженер систем безопасности и инженер по качеству.

– Это основная строительная команда. Дейв – главный архитектор, единственный из нас, кто убил молодость не за счет казны. Инженер-проектировщик Дженкинс – бывший офицер ВВС. Через него проходят все чертежи и горы поэтажных планов. Замкнутый, как аспергик, он бредит деталями. Но соображает будь здоров и стреляет так же, поэтому мы закрываем глаза на его странности. Поли, инженер систем безопасности, занимается и электроникой, и проводной связью. Специалист, каких поискать. Бывший «морской котик». Уж не знаю, как Джастин проводит его через проверки биографии. Особенно после той заварушки в двух барах подряд, когда подъехало целое отделение полиции. Ему даже назначили принудительное лечение от неконтролируемой агрессии. Но Поли не так уж плох, если не давать ему пить, что мы с Джастином и делаем. Последний герой – Бекон, инженер по качеству. На самом деле его зовут Барри, но я бы не советовал так обращаться к нему. Он придет в ярость. Бывший морпех, разведчик. На шее носит ложку; говорит, в свое время убил ею человека. Мы с ним особо не спорим. – Лопес посмотрел Тессе в глаза и продолжил: – Вот с этими ребятами Джастин чаще всего и общается. Мы работаем тесно и дружно. И поверьте, Джастин может положиться на каждого из нас.

– Любопытный круг друзей.

Лопесу было непонятно ее удивление.

– Наши проекты не для слабонервных. Долгие отлучки из дома, условия жесткие. Первый год живешь в трейлере, вместо нужника – ведро. Военным не привыкать. Мы и без водопровода можем обойтись, и весь день на тушенке протянуть. Джастин не обижает, платит прилично. Для большинства из нас это большой шаг вверх. А ведь строительный бизнес переживает не лучшие времена. Все кругом загибаются. Зато у нас порядок: рабочие места сохранены, зарплата не задерживается. Даже такой дубина, как я, в состоянии это оценить.

– Джастин – хороший руководитель, – резюмировала Тесса.

– Да. Раз справляется с шайкой таких всезнаек, алкоголиков и грубиянов.

– Вы сказали, Джастин помогает вашему «морскому котик» с проверками биографии. А остальные их тоже проходят для работы на объектах?

– Да. Стандартная проверка: судимости, приводы в полицию и ордера на арест, – ответил Лопес. – Но ее часто опускают, особенно если сооружение новое и незаселенное. Строители не ангелы. Даже правительство понимает, что, если задрать планку безопасности, работать будет некому.

– Трудные подчиненные под стать своему непростому начальству?
– Ребята, которые знают, как обращаться с женщинами, – заверил Лопес, и на его лице опять засветилась улыбка.

Тесса сменила тему:

– Если в «Денби констракшн» так любят Джастина, кто мог точить на него зуб?
– Да любой проигравший ему конкурент. И любой субподрядчик, который остался без штанов, потому что сам напортачил или цифры перепутал – я вам говорил. Пару раз недобвольные заявлялись с оружием. Доходило до разборок прямо на стройке. Но нас пистолетом не запугаешь. И Джастин тоже. Он бывает с нами в тире хотя бы раз в неделю и выбивает десятку не реже нашего.

Тесса удивленно моргнула.

– С ума сойти.

– Так сошли уже. В таком бизнесе-то. Есть еще бумага? Имена всех недоброжелателей на одной странице не уместятся.

* * *

Час спустя Тесса попрощалась с Лопесом. Пришлось повозиться со списком тех, кто жаждал свести счеты с «Денби констракшн» или лично с Джестином. Все усложнялось динамикой строительного рынка: субподрядчиков и конкурентов постоянно перепокупали и перепродавали, не говоря уже о том, что покупатели и продавцы закрывались и открывались под другими названиями. Лопес особо выделил две фирмы: «Эй-эс-пи» и «Пимм бразерс». С ними отношения не заладились давно. «Пимм бразерс» возглавляли два брата из еще одной семейной компании. Начиная отдельный бизнес, они надеялись, что Джастин оставит фирму отца и присоединится к ним. Однако Джастин отказался, и они его так и не простили.

Мыльные оперы похлеще, чем в мафиозных кланах, подумала Тесса и перевела разговор на личную жизнь и брак Джестины. Лопес, такой осведомленный в интригах отрасли, тут же прикинулся дураком. Он признался, что уважает миссис Денби и привязан к дочери шефа. Видимо, почти весь строительный костяк фирмы знал Эшлин еще совсем маленькой. А с тех пор как ей исполнилось три, Джастин частенько брал ее на стройку и разрешал играть с инструментами. Он любил хвастаться, что она унаследует фирму.

– А что? – пожал плечами Лопес. – Девчонка смышленная.

Так или иначе, он не видел ни одной причины для исчезновения Денби по собственному желанию. С финансами у фирмы было туговато, но в их бизнесе это в порядке вещей. В поведении Джестины Лопес не заметил ничего странного. Сильного стресса и раздражительности не было. Черт, да они работали рука об руку над крупным проектом по ремонту старой атомной электростанции, и Джастин выглядел как обычно. Все такой же трудяга. Про пятничный ужин Лопес слышал, да. Джастин был в хорошем настроении и не мог дожидаться свидания. «Скампо», верно? Пафосное местечко. В самый раз, чтобы впечатлить жену.

А если предположить, что всю семью похитили...

Лопес заволновался, сел прямо и забарабанил ладонью по ноге. Насколько поняла Тесса, он был обеспокоен скорее исчезновением Либби и Эшлин, чем Джестины. Мысль о том, что женщинам причинили вред, его нервировала, и Тессе это понравилось.

– Я попробую навести справки, – наконец предложил Лопес. – Вряд ли в «Денби» кто-то настроен против семьи... но я прослежу за реакцией ребят. Если что-нибудь узнаю, позвоню. Обсудим за обедом.

– Только никаких заигрываний. Я на работе, – предупредила она.

– Отчего так? Вы больше не коп. Что за правила?

– Общий профессионализм. Правила устанавливаю сама.

– Жесть.

– Не зря поговаривают, что я пристрелила собственного мужа.

Лопес засмеялся. Видимо, подозрения в убийстве для него только прибавляли шарма.

Строители – интересный народ, решила Тесса.

Ее телефон зазвонил, едва они закончили разговор.

Прежде чем ответить, Тесса вышла из кафе. Она ожидала услышать Софи и корила себя за то, что не нашла времени позвонить сама, но на том конце оказалась Диди.

– Орел приземлился, – сказала детектив вместо приветствия.

Тесса поняла, что речь шла о прибытии ФБР.

– Подрезают вам крылья?

– Ржавой бритвой, – сухо ответила Диди. – Но последним посмеется Нил. Нью-гэмпширские копы получили его пас и теперь ведут мяч.

– Сигнал маячка проследили? – с надеждой спросила Тесса.

– Нашли само устройство. Похоже, похитители догадались про куртку, остановились у какой-то заброшенной закуской, вырезали маяк и выкинули его в лес. Судя по следам шин, направились дальше на север.

Тесса наморщила лоб, вспоминая карту Нью-Гэмпшира.

– Они уже в трех часах от Бостона. Сколько до Канады-то осталось?

– Часа два. И до границы с Мэном минут двадцать. Так что они вполне могли где-то свернуть на восток и основательно затеряться. Там бескрайние горы, заброшенные кемпинги и пустующие летние коттеджи. Вот и все...

– Паршиво, – сказала Тесса, закусив губу. – В эфире тишина?

– Ага. Федералы привезли с собой поведенческого аналитика. Она специализируется на похищениях. Говорит, если все затевалось ради выкупа, к концу дня с нами свяжутся. Если нет – радоваться нечему.

– Насчет выкупа сомневаюсь. Здесь что-то... более личное.

– У аналитика из ФБР тоже есть своя теория, – призналась Диди.

– И?

– В случае мести пострадавший, как правило, придерживается принципа «око за око» и намерен причинить равносильный вред. По этой теории тот, кто так или иначе пострадал от Джастина, захотел бы отомстить ему одному.

– А вместе с Джестином прихватили его жену и дочь, – протянула Тесса.

– Значит, если исключить сценарий с выкупом, заказчик похищения думает, что Джастин навредил всей его семье, а может, лишил жены и ребенка.

– Тогда бизнес тут ни при чем. Точно личное.

– Есть над чем поразмыслить, – согласилась Диди и после паузы продолжила: – В общем, раз федералы уже здесь и творят свои чудеса...

– То по этому делу ты звонить больше не будешь, – догадалась Тесса и немедленно задалась вопросом: с какой стати давняя противница раскрывала карты?

Словно прочитав ее мысли, Диди объяснила:

– Нашей следственной группе все равно, кто спасет Денби. Главное, чтобы их нашли живыми и здоровыми. Если это сделает частный сыщик, а не свора федералов, которые забрали наше место преступления, что ж... тем лучше.

Диди отсоединилась. Тесса еще некоторое время постояла на парковке, обдумывая услышанное. Что, если Денби действительно похитили не ради денег? Что, если аналитик из ФБР права и мотив здесь не профессиональный, а личный?

Не жажда наживы, а месть?

Тесса посмотрела на часы и пробежала глазами список избранных контактов, которые она переписала с телефонов Денби. Первый помощник Джастина заявил, что в личную

жизнь шефа не посвящен. Может, подробности знает кто-то из близкого окружения Либби? Сестра, лучшая подруга, доверенное лицо?

Тесса Леони, бывший офицер полиции, а теперь специально уполномоченный частный следователь, выбрала свою следующую цель.

Глава 13

Как понять, что любовь прошла?

Столько песен, стихов и открыток посвящены тому, как все начинается. Первый взгляд в толпе. Мгновение перед первым поцелуем, когда ты подставила губы, как до тебя это делали твои бабушки и прабабушки, и пока не уверена, осмелится он или нет.

Первые пьянящие дни и недели, когда все мысли только о нем и о его прикосновениях, о запахе, о коже. Покупаешь белье покрасивее, тратишь лишнее время на укладку, выбираешь обтягивающий свитер, представляя, как по мягкой шерсти скользят ладони любимого. Больше всего на свете хочется чувствовать эти руки везде. При первом звонке хватаешь трубку в надежде услышать его голос. В обеденный перерыв выкраиваешь время, чтобы смотаться к нему в офис, накинув один лишь плащ.

Постепенно походы по ресторанам превращаются в импровизированные пикники в постели, потому что новый свитер сделал свое дело и захотелось остаться дома. И вот он уже разгуливает в одних боксерах, а ты – в мужской рубашке, любишься на его широкую грудь и мускулистые руки и не веришь, что тебе так повезло. Его зрачки расширяются, он тянется к тебе, и остальной мир перестает существовать.

Я знаю, когда влюбилась. Меня будто молнией прошило.

В Тот День, предъявив мужу доказательство и глядя в его застывшее бледное лицо, я думала, что любовь улетучится так же молниеносно. Но обошлось сбитым дыханием и дурнотой. После тихого, сказанного в глаза «да, я с ней спал»...

Я начала орать, швыряться всем подряд. Билась в истерику так, что Эшлин прибежала из своей комнаты. Джастин обернулся и первый раз за нашу совместную жизнь позволил себе резкость.

– Иди к себе! Живо! – скомандовал он дочери, и та мигом помчалась в свое убежище к айподу.

Помню, он велел мне успокоиться.

Наверное, именно тогда я запустила в него настольной лампой. Он ее поймал. Своими сильными руками, которые я раньше обожала. Потом схватил меня и, повернув спиной, впечатал в себя так, что я едва могла шевельнуться. И не отпускал. Шептал, что виноват. Просил прощения. Я чувствовала, как на мои волосы что-то капает.

Перестав вырываться, я прижалась к нему расслабленным телом.

Он поддержал, не разнимая рук, и какое-то время мы простояли вместе, тяжело дыша и дав волю слезам. Я оплакивала конец своего брака и утраченное доверие. Мне было нестерпимо горько – не от предательства, а от ощущения провала. Ведь я любила мужа без оглядки, а оказалось, этого было недостаточно.

А Джастин? Что значили его слезы на моих волосах?

Стыд? Боль от причиненной боли? Или всего лишь сожаление из-за того, что он все-таки попался?

В тот момент я его ненавидела. Всеми фибрами души.

Но не разлюбила.

Я велела ему убираться и забыть дорогу назад. Он не стал спорить и тихо собрал вещи. А потом стоял с черной спортивной сумкой и молча выслушивал, какой он мерзкий человек, что я из-за него пережила и как он вообще посмел развалить семью и бросить собственную дочь. Я говорила и говорила. Бессмысленный поток обиды и ярости было не остановить. Джастин все проглотил.

Когда слова иссякли, мы посмотрели друг на друга через спальню.

– Это была ошибка, – сказал он.

Я зло промычала в ответ.

— Я один во всем виноват.

Опять мычание.

— Можно я позвоню? — сделал он еще одну попытку. — На днях, когда ты остынешь.

Мы... поговорим?

Я окинула его ледяным взглядом.

— Ты права, Либби, — промолвил он. — Что за мужчина разваливает собственную семью?

Я не хочу быть таким. Я не хотел стать таким, как...

Он замялся, но я знала продолжение. Он не хотел стать таким, как его отец.

Как будто это что-то меняло. Отец Джастина был домашним деспотом, который боготворил единственного сына, а жену довел до алкоголизма своей чуть ли не легендарной неверностью. Выходит, яблоко от яблони упало недалеко. Вот и все, о чем мне сказала неоконченная фраза Джастина.

Только... вспомнилось другое. Минуты откровенности в начале наших отношений, когда, лежа в постели и глядя мое плечо, Джастин рассказывал про человека, которого временно обожал и стыдился, потому что тот был чудесным отцом, но при этом отвратительным мужем. Джастин мечтал иметь его деловую хватку, однако клялся, что будет более достойным человеком. А я, вспоминая родителей, обещала никогда не курить и не ездить без шлема.

Вот в чем ирония. Влюбиться легко, а разлюбить сложно. Я и представить не могла, до чего дойдет. За спиной были восемнадцать лет воспоминаний об этом человеке, не считая добрачного романа. Общие надежды и мечты. Мы верили, что не повторим ошибок родителей, и вот оказались на их месте. Кто бы подумал, что даже счастливая семья не застрахована от сложностей и одиночества.

— Я не хочу тебя терять, — сказал мне муж в Тот День. — Я изменюсь. Давай попробуем еще раз. Либби... я люблю тебя.

Я попросила его уйти, но позвонить разрешила. А вскоре он обосновался в комнате внизу, и мы официально перешли к исправительной фазе нашего брака. Джастин по-прежнему отлучался из дома, но чаще дарил мне цветы. Я готовила его любимые блюда и сильнее замыкалась в себе. Мы оба ждали, что все само собой нормализуется. Ну, а если время не вылечит, то всегда можно было устроить романтический ужин в ресторане.

Я считала, что остаюсь из-за Эшлин и что глупо перечеркивать восемнадцать лет совместной жизни.

А на самом деле?

Я все еще любила его. Изменника и лгуна. Мужа, спавшего с другой и отправлявшего ей послания со словами, которые раньше предназначались только мне. Мужа, который вроде бы вернулся домой и даже не раз побывал в моей спальне.

И все же у меня щемило в груди от одних его шагов и смеха. Прикосновение длинных сильных пальцев по-прежнему приводило в дрожь.

Я ненавидела его за это. И за то, что, причинив мне боль, он деликатно заглаживал свою вину. Меня злили его доброта, обходительность и раскаянье. Уж лучше б он вел себя как подлец. Тогда бы я запросто его бросила. Сменила бы замки на дверях и забыла как страшный сон. Но нет, черт его дерит, он старался. Оставил другую, как я и просила. Переехал в подвал, как я и просила. Предложил курс семейной терапии. И на сеансах выяснилось, что именно я не иду навстречу. А он все не сдавался. Разными маленькими жестами пытался уверить меня в своей любви и доказать, что он сожалеет и хочет все восстановить. Чем больше внимания я получала, тем хуже мне становилось.

Тем чаще я думала, засыпал ли он с ней, обняв ее сзади, кормил ли апельсинами, смотрел ли, как она ходит по дому в его любимой рубашке на голое тело... А может, он шепотом рассказывал ей о своих сокровенных мечтах, которыми когда-то делился со мной?

Другая не выходила у меня из головы. Она ворвалась в наш мир, смазливая пигалица, и я не знала, как заставить ее исчезнуть. Поэтому я откупоривала оранжевый флакон с белыми таблетками и выпивала штуки две, потом четыре, потом шесть, чтобы остановить поток неприятных образов, проносящихся перед глазами.

Однако было ясно, что таблетками я пыталась заглушить не воспоминания о Том Дне и даже не мысли о предательстве.

Я отчаянно хотела убить любовь к мужу.

И сама поражалась, сколько нужно таблеток, чтобы меньше любить и больше прощать.

* * *

Эшлин не отпускала дрожь. Когда нас запустили в отдельную камеру, дочь прижалась ко мне и шепнула, что хочет в туалет. Я рассеянно кивнула. За нами с лязгом захлопнулась стальная дверь.

Втроем, в одинаковой оранжевой форме, мы являли жалкое зрелище. Самый маленький размер не подошел худенькой Эшлин: комбинезон с закатанными штанинами висел на ней мешком. Рукава у всех были короткие, и я сначала подумала, что мы замерзнем, но в камере оказалось жарко. В нашем крыле было душно от перегретого, сперттого воздуха.

Зед сказал, что термостат поддерживает постоянную температуру круглый год. Неважно, что за окном – зима, весна, лето или осень. Верхнее освещение тоже горело целый день. Время суток не имело значения для жизни заключенных.

Нам досталась узкая вытянутая камера с грязно-белыми шлакобетонными стенами. С обеих сторон стояли нары. На металлическом светло-желтом каркасе лежали тонкие поролоновые маты, обтянутые ярко-голубым винилом. Щель окна в конце камеры, разделенная железным прутком, открывала вид на голую бурую землю. Узкое смотровое окошко в толстой стальной двери – на большой дневной зал с тяжелыми металлическими столами и общей душевой. В центре его пустовал одинокий командный пост, откуда обозревался весь двухэтажный тюремный блок.

Я проверила, нет ли поблизости Зеда, Радара или их дружка Мика, но в дневном помещении никого не оказалось. Все куда-то ушли. Мы остались в одиночестве, отрезанные от свободы семью закрытыми дверями. Я передала мужу слова Эшлин. Он понимающе на меня посмотрел, скрипнул зубами. В глазах мелькнула беспомощная ярость. Джастин повернулся к дочери, его лицо смягчилось, голос зазвучал почти как обычно.

– Первое правило тюремной жизни – один туалет и одна раковина на всех... – энергично объяснил он, словно речь шла о новом приключении.

– Но, папа...

– Представь себе, что мы в летнем лагере...

– Я не могу...

– Солнышко, перестань. Возьми себя в руки. Мы обязательно выберемся.

Ее нижняя губа задрожала. Еще немного – и Эшлин расплачется.

Мне хотелось обнять дочь, но я сдержалась. Как ее успокоить? Не плачь, милая, все в порядке?

Какие-то психи выкрали нас из собственного дома, одели в тюремные комбинезоны и тапочки и запихнули в белую каморку, где встать почти негде, а сесть можно только на нары, застеленные тонюсенькими матрасами. Все далеко не в порядке. Все ужасней некуда и, возможно, будет только хуже.

Джастин отошел к стене напротив входа и, отвернувшись от туалета, закрыл собой окно. Я загородила смотровую щель в двери, тоже встав спиной к Эшлин. Нас с Джастином она стала стесняться лет в восемь, а к пятнадцати годам отчаянно стыдилась всего физиологического.

Тишина была невыносима. Шорох огромного комбинезона, с которым возилась дочь, разносился по всей камере.

Я попробовала подумать о приключении в летнем лагере, как предложил Джастин, и затянула детскую песенку. Он подхватил, хрипло и не попадая в ноты. Мы спели несколько строк по очереди, потом вместе, а когда закончили, Эшлин судорожно зарыдала. Я обернулась, подхватила обмякшее тело дочери и прижала к себе. Джастин вернулся от окна и обнял нас обеих. Так мы и стояли молча.

Первые семейные объятия за последние месяцы.

* * *

В конце концов я уложила Эшлин на узкие нары. Не было ни одеяла, чтобы ее укрыть, ни слов, чтобы утешить. Я присела с краю на голубой скрипучий винил и гладила ее по волосам.

Джастину не сиделось. Он ходил по крошечной камере, как зверь в клетке. Прощупал все матрасы сверху донизу, осмотрел окно, дверь, странную металлическую конструкцию, в нижнюю часть которой был вмонтирован унитаз, а в верхний боковой выступ – раковина.

Я отвернулась, чтобы он спокойно справил нужду. Мы столько лет пользовались одной ванной, что в песнях необходимости не было. После него я тоже помочилась и прополоскала рот, набрав воды из-под крана. К остаточному привкусу желчи добавилась ржавчина. Как я мечтала о зубной щетке и пасте, но наши захватчики о таких мелочах не беспокоились.

Джастин отошел от окна, сел на нижние нары спиной к двери и знаком попросил меня сделать то же самое. Я вернулась на свое место рядом с Эшлин, только уже лицом к окну.

– Жучков нет, – сказал Джастин, как будто эта новость должна была меня обрадовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.